

Библиотека кинодраматургии

Б. ЧИРСКОВ, Е. ХУДИК

ДВА БИЛЕТА
НА ДНЕВНОЙ СЕАНС

Киносценарий

Издательство «Искусство», Москва, 1968

Еще до заглавия, а затем как фон для вступительных титров быстро сменяется ряд коротких немых кадров: на загородных дорогах, в комиссионном магазине, на аэродроме завершается операция ОБХСС по ликвидации крупной группы спекулянтов-валютчиков. Кадры, быть может, частично документальные, потому что в основе этого фильма — подлинная, взятая из жизни история.

Кончаются титры. Начинается фильм.

Крупно: на краю письменного стола — протоколы, акты, рапорты о проведенной операции. Тут же несколько пачек иностранной валюты и кучка особо важных документов или вещественных доказательств, отобранных при обыске. Рука, отодвигая их, берет одну из бумаг... Постепенно открывается кабинет начальника областного ОБХСС полковника Николаева. Он в мундире, немолодой, с худым нездоровым лицом. Его манеры как-то плохо вяжутся с военной формой. Сбоку, докладывая, стоит его заместитель Шондыш. Он в пиджаке, но в коренастой фигуре, в жестком ежике волос, в маленьких пронзительных

глазках, в манере держаться чувствуется старый волевой служака.

Тут же сидят участвовавшие в операции сотрудники. Все они смотрят на начальника, лица оживлены удовлетворением только что исполненного дела, ожиданием его оценки. И потому особенно выделяется унылой позой, рассеянным и вместе с тем озабоченным выражением этот вот парень...

Николаев подписывает бумагу.

— Ну что ж, ребята, операцию провели неплохо... — сказал он по-домашнему, откладывая бумагу. Задержался взглядом на вещественных доказательствах, двумя пальцами взял две помятых бумажки и спросил Шондыша:

— Ну, а что ты все-таки думаешь об этих билетиках в кино?.. Не приобшил... значит, выкинуть?

Шондыш пожал плечами:

— Да ведь и так все ясно, товарищ полковник. Всех взяли с поличным. Теперь сами наперегонки говорят...

Николаев помолчал, разглядывая две лежащие перед ним бумажки. Потом переспросил:

— Ты говоришь, завалялись они в карманах двух разных лиц?

— Да. У Аракелова, второй у Шустика. Что они знакомы и встречались, задокументировано и без этого.

— А все-таки... — заинтересованно произнес Николаев. — Погляди, оба билета в кинотеатр «Ударник», на один и тот же дневной сеанс, оба в девятнадцатый ряд и на одно и то же — сорок восьмое — место.

Шондыш из вежливости поглядел через его плечо:

— Числа разные.

— Вот именно, значит, места эти использовались не один раз... Ладно, оставь пока у меня. — Поднял голову и обвел взглядом сотрудников. — Все? Спасибо, ребята.

Шондыш собирает свои документы. Все встают и вслед за ним выходят из кабинета. Встает и парень, но остается на месте, опустив голову. Теперь Николаев уже, видимо, нарочно, желая потомить его, склонился над билетами, которые продолжают лежать перед ним. Один раз он поднял было голову — в приоткрытую дверь ворвались два сердитых женских голоса, и дверь сразу же закрылась... Он снова погрузился в созерцание билетов. Наконец он произнес, не поднимая головы:

— А ты, Алешин, все о том же...

— Николай Иванович, вы обещали подумать, — торопливо заговорил парень. — Сегодня две недели, как я подал рапорт об увольнении...

— Мне думать нечего, это ты подумай, — невозмутимо откликнулся Николаев, поглядев на дверь и прислушавшись.

Бронзовая, изогнутая ручка двери снова зашевелилась, и из приемной донесся новый взрыв голосов.

Лицо Алешина охватывает безграничное уныние:

— Я думал... я старался, Николай Иванович, и окончательно убедился — нет у меня никаких способностей. — Прибавил горячо:

Ведь все-таки, чтобы человек работал с пользой, нужен интерес, призвание...

— Ах вот как... — насмешливо протянул Николаев, вставая из-за стола.— Есть люди, по-твоему, которые от рождения призваны копаться в дерьме,— иронически поглядывая на Алешина, он, как бы прогуливаясь, медленно приближается к двери.— Их страсть как интересуют липовые чеки, подчищенные счета...

— Я не отказывался, когда райком посыпал меня к вам,— запротестовал Алешин.— Но ведь кончал я техноложку. Я химик. Могут же быть у человека какие-то стремления?

Николаев открыл дверь в приемную.

Прямо перед ним возникает маленькая и чрезвычайно напористая особа с большим портфелем. Очень молоденькое лицо ее пылает, глаза сверкают:

— Товарищ начальник! Я жду уже два часа... — восхлинула она.

Красная от раздражения секретарша нервно затараторила:

— Я предупреждала гражданку, что у вас оперативное совещание...

— Но когда товарищи вышли, и я сказала вам...

— А я сказала...

— А вы не волнуйтесь,— мирно посоветовал Николаев.— Заходите.

Крепкие ножки в туфлях на низких каблучках энергично застучали вслед за ним. При этом девушка продолжает с прежним пылом, но уже доверительно, как бы извиняя его:

— Я лично могла бы, конечно, и подождать, но жду не я, ждут советские читатели...

Николаев указал ей кресло и, обойдя стол, сел сам:

— Чем могу служить?

Девушка села и тотчас достала из своего большого портфеля блокнот и карандаш.

— Наша газета поручила мне написать очерк о работе ОБХСС. Просто поразительно, до чего у нас по-обывательски много болтают и совершенно ничего не пишут об этом!

— Ясно! — кивнул Николаев, и в глазах его зажглись юмористические огоньки.— Должен, однако, разочаровать вас, работа у нас будничная, скучная...— Он поглядел на Алешина и прибавил с едва уловимой иронией:— Вам бы лучше в Угрозыск зайти, вот там — перестрелки, трупы, приключения — есть пища для вдохновения. А у нас что же — спекулянты, растратчики, взяточники, выгребаем отбросы.

— Я достаточно опытный газетчик,— решительно возразила девушка,— чтобы найти интересное в любой работе.

— Ах вот как...

— Прежде всего меня интересуют люди. Я понимаю, вы заняты. Но, может быть, вы порекомендуете мне кого-либо из ваших сотрудников... Ну, что-то типичное, яркое!

— Типичное... яркое... ну что ж, вот, пожалуйста... типичный милиционер! — широким жестом он указывает на Алешина. Усмехнулся.— Выдающийся в своем роде...

Девушка вскидывает на Алешина быстрый, оценивающий взгляд. Рослый парень, с хмуро-ватым, но приятным лицом, от неожиданности

растерянно уставился на нее... Впрочем, испугавшись, что красноречивая журналистка снова заговорит, Николаев поспешно подымается и протягивает через стол руку:

— Ну вот, вы и займитесь с товарищем Алешином для начала.

Следует крепкое рукопожатие.

— Спасибо!

— Желаю успеха.

И журналистка удаляется в сопровождении Алешина. Он уже пропустил ее в дверь, когда Николаев окликает его:

— Алешин!

Он возвращается. Начальник задумчиво разглядывает на столе все те же синенькие бумажки.

— Вот что, Алешин... займись-ка ты на последок этими билетиками, возьми...

У здания, где помещается ОБХСС, похаживает маленькая журналистка с большим портфелем, сосредоточенно готовясь к своим исследованиям. Из подъезда сбежал по гранитным ступенькам и присоединился к ней оживленный Алешин.

— Ну вот все, освободился.— И тут же весело прибавил: — Есть идея — не зайти ли нам в кино?

— Что? — Девушка вскинула на него негодящий взгляд, но сдержалась.— Я, извините, настроена работать, а не развлекаться.

— Ну что ж, давайте,— покорился Алешин.

И они пошли. Журналистка поглядела на него проницательно и спросила:

— Слушайте, ваш начальник определенно дальний, но он что, юморист? У меня все время было впечатление, что он посмеивается, то ли над вами, то ли надо мной.

Алешин сделал шутливо-тайное лицо:

— Он, наверно, догадался, что это ваш первый очерк.

— А вы-то откуда знаете?! — вспыхнула и ощетинилась она.

— Я сыщик.

— Подумаешь, проницательность! Впрочем, какое это имеет значение,— сказала она с досадой.— И, знаете, перестаньте трепаться. Кроме шуток, вам поручили рассказать мне о вашей работе...

...Они бредут по многолюдному Невскому. И такой уж у девушки характер, говорит больше она, Алешин рассеянно слушает, изредка вяло отвечает. Вот они приближаются к нам — она увлеклась, горячо жестикулирует и вдруг обнаруживает, что Алешина нет рядом. Она растерянно приостанавливается, оглядывается...

Старуха продавщица с корзинкой. Прикрывая некоторое смущение усмешкой, Алешин возвращается к журналистке с букетиком ландышей в руке.

— Какой же вы милиционер? Вы поощряете спекуляцию! — с уничтожающей иронией встречает его она. Берет букетик, презрительно оглядывает его.— Гм... Это даже для утепления не годится.

— Какого утепления?

— Это термин,— небрежно бросает она и некоторое время идет молча, искоса пытливо оглядывая Алешина.

— А вы знаете...— осторожно начинает она.— Я уже давно наблюдаю за вами, и у меня, извините, складывается странное впечатление... Вы как-то не слишком увлекаетесь своей работой...

Широкая улыбка расплывается на лице Алешина.

— Точно! — восклицает он радостно и признается откровенно.— Я уже подал заявление об увольнении.

Она даже остановилась от негодования.

— Ну, знаете, это уже черт знает что! Я битых три часа изучаю вас, а вы...

...Алешин склонился у билетной кассы кинотеатра, попросил...

— Дайте два в девятнадцатый ряд... если можно, сорок восьмое, ну и рядом, что ли...

Взял билеты, проверил их и, по пути оглядывая фойе, направился к журналистке, рассматривающей фотографии кинозвезд.

— Тоня, пошли! — окликнул он.

Она обернулась и сдержанно улыбнулась.

На дневном сеансе народу немногого, в зал уже пускают, они двинулись туда.

А у билетной кассы, небрежно склонившись к самому окошечку, задержался новый посетитель, видимо, шутник — слышен смех кассирши.

Раздается звонок.

— Потом договорим...— с мужской ленивой усмешкой сказал он и просунул руку в окошечко...— Люблю девятнадцатый ряд. Со-

рок восьмое и сорок девятое... Куплены? — Он нахмурился и помедлил.— Ладно, тот же номер в следующем ряду.— Вытащил руку с билетом и выпрямился.

Коренастый, крепкий паренек в свободном свитере и узких брючках со всеми признаками моды. Короткая стрижка, привычно самодовольная маска на ординарном мальчишеском лице, ленивая походка «хозяина» жизни...

Алешин проходит вслед за журналисткой по девятнадцатому ряду к своему месту. Позади, параллельным курсом по следующему ряду, продвигается, пристально оглядывая его, парень в свитере.

Гаснет свет. Не ожидающий ничего особенного Алешин, поглядев по сторонам, удобно откладывается в своем кресле. За спиной у него усаживается парень, неотрывно ощупывая глазами его затылок, спину. На подлокотнике кресла белеет Тонина рука. Алешин, как бы невзначай, покрывает ее своей ладонью. Помедлив, Тоня осторожно убирает свою руку. И вот тут сосед слева близко наклоняется к Алешину и тихо отчетливо произносит:

— Вам кланялся Андрей Матвеевич...

Алешин растерянно обернулся... В мерцающем сумраке устремлены на него пронзительно поблескивающие глаза, бледное, помятое лицо.

С лихорадочной быстротой заработала мысль... Алешин криво улыбнулся, кивнул, проговорил что-то неразборчивое... и внезапно принял решение. Чтобы выиграть время, он медленно поднялся и стал пробираться к вы-

ходу. Сосед после минутного подозрительно-го колебания осторожно последовал за ним. А из двадцатого ряда настороженным взглядом провожает их парень в свитере. Что-то сообразив, он вскакивает и, бесцеремонно наступая на ноги, под возмущенное шипение зрителей устремляется из зала. Забытая и брошенная Тоня-журналистка только в первую секунду растерянно оглянулась, она потрясена непонятным и оскорбительным уходом своего спутника, но, закусив губы и устремив на экран отчаянный взгляд, остается на месте...

Алешин выходит на небольшой бульвар у входа в кинотеатр. Отойдя поближе к мостовой, остановился. Осторожной поступью встревоженного зверя приближается к нему сосед. Чтобы сохранить хотя бы видимость хладнокровия, Алешин закуривает. Он чувствует на себе тяжелый, полный подозрительного сомнения взгляд. Человек уже почти рядом, когда между ними замешался мальчишка из тех, что торгают билетами и сами дниают и ночуют в кино.

— Дяденька, который час? — выкрикнул он.

И то ли натянуты нервы, то ли незнакомец внезапно решил проверить Алешина — он с досадой и силой отбросил мальчишку с дороги. Мальчик упал и пронзительно закричал, и теперь уже, чтобы заставить его замолчать, он поднял над ним тяжелую ногу... Алешин, забыв обо всем, бросился на незнакомца, грудью оттеснил его и схватил за руки. В се-

кунду промелькнуло перед ним искаженное злобой лицо.

— А-а... лягавый! — тяжело выдохнул неизвестный, вывернулся. — Он был готов ко всему — обхватил Алешина и бросил его наземь. Тот в падении вцепился в него, и он упал на Алешина сам...

Из кинотеатра показался парень в свитере. На минуту приостановился, чтобы разобраться в происходящем. Решил и ринулся вперед...

Все остальное происходит с молниеносной быстротой. Совершенно неожиданно для нас парень схватил за волосы незнакомца, с силой оторвал его от Алешина и отшвырнул незнакомца так, что тот полетел через кромку бульвара и упал на мостовую. ...Заскрежетали тормоза, машина скользнула, пытаясь уклониться, задела незнакомца, отшвырнула, и он рухнул окончательно. Все движение останавливается. С противоположного тротуара бегут любопытные...

Алешин, еще ничего не понимая, подымается с земли, когда парень в свитере хватает его за руку и, увлекая за собой, кричит:

— Бежим!!.. Заметут! — И Алешин побежал рядом. Они свернули за угол, в узкий переулок. Парень, оглядываясь, бросает на ходу:

— Встретимся в девять... на Московском вокзале, в ресторане... Теперь давай врозвь...

А из дверей кинотеатра, не выдержав наконец, появляется Тоня-журналистка, тревожно озирается, вдруг глаза ее испуганно останавливаются... Прямо перед нею окруженная толпой карета «скорой помощи». Санитары в

белых халатах вносят в нее носилки. Тоня делает к ним несколько поспешных шагов, но машина с тревожным сигналом сирены срывается с места.

Уже вечер, в кабинете Николаева горит свет. Сам начальник с телефонной трубкой, озабоченно хмурясь, слушает Алешина:

— Так... так... понятно...

Шондыш сбоку прилег животом на письменный стол и заинтересованно прислушивается к разговору. В паузе тихо сказал Андрееву, который с какими-то записями стоит рядом:

— Дурак. Плюхнулся прямо на горячее место. Взял бы билет рядом, огляделся сперва...

— Так... Ладно, на встречу ты все-таки пойди, а там посмотрим,— сказал Николаев в трубку.— Этого типа подобрала скорая. Андреев уже побывал у него в больнице. Теперь запоминай — это будет твоя легенда. Он вернулся из заключения — отбыл срок. Там от некоего Андрея Матвеевича получил явку в кинотеатр...

— В бане... — тихо подсказал Андреев.

— В бани познакомились... Фамилия — не важно, будешь под своей, и вообще смотри не переигрывай, если нужно — лучше пользуйся своей биографией... Погоди! В двадцать ноль-ноль будь на углу Литейного, на остановке автобуса. Увидишь Андреева, лезь в автобус. В толкучке он сунет тебе справку...

А вот Алешин уже сидит за столиком вокзального ресторана и смотрит на парня в свитере, сидящего напротив и хмуро разглядывающего его справку об освобождении из места заключения.

— Познакомились в бани, он и направил меня в кино, сказал: «Поклонись от Андрея Матвеевича», — рассказывает Алешин.

Оба еще настороженно недоверчивы, хотя разговор идет уже давно — на столе перед парнем основательно очищенная тарелка, графинчик с остатками водки и две рюмки, впрочем, вторая сухая, и перед Алешином не стоит ничего. Парень кладет справку чистой стороной вверх.

— Сколько сидел на нарах?

— Пять.

Он взглянул на Алешина с заметным уважением. Приподнял графинчик, посмотрел и налил в сухую рюмку.

— Шарнуть хочешь?

Подвинул железный судок с остатками гарнира, подкинул свою вилку.

— Ну, как там?

И Алешин нашупал устойчивую точку поведения, тон. Он взял рюмку и усмехнулся снисходительно:

— Еще не пробовал?.. Сам понимаешь, райская жизнь, — медленно выпил.

— Как кормят?

— Ну, конечно, не совсем, как в «Астории»... — Алешин клюнул вилкой в судок, закусил. Жует и смотрит на парня сверху вниз с ядовитой улыбкой.

— Потрясено, — с чувством процедил тот,

мысленно сопереживая. Внезапно острый волчим взглядом пошарил по сторонам, по залу, переполненному посетителями.— Ну, интервью докончим потом,— выпрямляется он.— Делать что умеешь?

Алешин пожал плечами.

— Когда-то учился на химическом, не кончил.

— Крыша есть?

— Ты же смотрел ксиву, я только сегодня вышел... пошел прямо в кино.

Парень снова перевернул справку, внимательно проверил дату выдачи. Сложил бумажку и спрятал.

— Ладно. Сегодня переночуешь у меня, а там будем смотреть.

Он снова разыгрывает супермена. Сделал в воздухе жест, и к ним подошел официант. Не без умысла парень вытаскивает довольно плотную пачку ассигнаций, попутно небрежно кивнул на один из столиков.

— Это что там за плебей? (За столиком два упившихся пассажира. Один — мутным, невидящим взором уперся прямо в него.) Не мусора?

Официант оглянулся и сказал равнодушно.

— Да нет, командировочные.

Парень бросил на стол ассигнацию. Встает.

— Райка сегодня не показывалась?

— Нет, не видал.

— Пошли,— повелительно бросил он Алешину.

— Нет, к сожалению, Алешина и завтра, вероятно, не будет,— говорит Андреев, при-

встав за своим столом перед журналисткой.

Она сегодня необычно притихшая и сдержанная. Рассказать о своем унижении она не может, но сильнее самолюбия ее тревога. Впрочем, оба они не могут сказать всего, и разговор протекает довольно странно:

— Ах вот как...— протянула Тоня нерешительно.— А скажите... Что, собственно... он здоров?.. С ним ничего не случилось?

— То есть в каком смысле?..— в свою очередь насторожился Андреев и тут же замял бодро.— Ах, ну да... здоров, совершенно здоров! Да вы присядьте,— он вежливо ставит стул.— Дело поправимое, то, что обещал вам Алешин, могу ведь рассказать вам и я.

— Вы?..— на секунду обезоружена девушка.— Нет, знаете,— уклонилась она.— Мы уже договорились с ним по всем вопросам. Не стоит зря тратить время и начинать все сначала... Я буду звонить.— Тревога ее только усилилась, но она поторопилась уйти.— До свидания!

И как только за журналисткой захлопнулась дверь, зазвонил телефон. Андреев слушает.

— Да, Андреев... Нет, Николай Иванович, не вернулся...

Наплывает изображение говорящего в трубку Николаева:

— Мог же он за два дня хотя бы позвонить...— его сердитый тон прикрывает тревогу.— Куда его там угораздило?..

Комната сумрачная и странная. За окном, выходящим на двор, веревки с бельем, мусор-

ные баки — это полуподвал. Выцветшие обшарпанные обои, деревянный пол с вытертой и облупившейся краской. Но на давно не мытом окне яркие шторы ультрасовременного орнамента. В правом дальнем углу оазис модернизма. Тахта покрыта «комиссионным» плюшем. Очень старый круглый стол, но рядом торшер и магнитофон. На стене, там, где продраны обои, веером прикреплены вырезанные по контуру из заграничных журналов длинноногие красавицы. Пачка таких глянцевитых, но потрепанных журналов валяется на столе. На столе и на подоконнике большей частью пустые коробки соблазнительной иноzemной выделки: из-под чулок, жевательной резинки; здесь же в углу две или три иконы под старое письмо. У стены налево, ближе к двери, кривая раскладушка, окантованная проволокой, кусками бинта и веревки. Направо от двери, в углу, — батарея пустых бутылок. Все это Алешин давно оглядел, изучил и сейчас он беспокойно ходит, обдумывая, что же ему делать? Дозарезу нужно бы созвониться с Николаевым, но... Он еще раз подошел к двери, крепко подергал за ручку — черт! Заперта.

Сердито отошел к столу и, прихватив пачку журналов, завалился на свою раскладушку. Перелистывает глянцевые листы: яркие иллюстрации, все больше красивые женщины — так и этак, длинные ноги в чулках... А вот отсюда Сиротин вырезал одну из своих звезд на стене. Постепенно изображения начинают расплываться, журнал опускается, все покрывается белой дымкой...

Вдруг Алешин вздрогнул и проснулся. Звучно поворачивается ключ, вероятно, вернулся Сиротин. Алешин с трудом приподымает веки, в постепенно рассеивающемся тумане возникают длинные ноги... он шире открывает глаза — на пороге стоит высокая, красивая девушка. Темный костюм сидит на ней ловко. Под мышкой у нее сумочка, а в руке несколько ромашек. Светлые глаза смотрят на Алешина высокомерно и удивленно.

— Здесь уже общежитие? — произносит она с легким акцентом.

Алешин не шевельнулся, сказал, прикрывая растерянность развязностью:

— Вы появились сквозь запертую дверь, как Афродита из пены.

— Я не торгую пивом, — презрительно отпарировала она.

Медленно проходит мимо в глубину комнаты. Алешин окончательно проснулся. Одним рывком он вскинул ноги и сел, шаря свои ботинки. Она на ходу повела на него холодным, злым взглядом:

— Сиди там и не смей подходить ко мне. Получишь по морде.

Алешин, зашнуровывая ботинки, удивленно приподнял лицо:

— Ты что-то торопишься, я и не собираюсь подходить к тебе.

— Да, я очень тороплюсь! — повторила она с каким-то своим смыслом и снова с заметным акцентом. Остановилась спиной к нему у стола, смотрит в окно.

— Этот деятель давно ушел?

— Да. Порядочно.

Длинная пауза. Она так же неподвижно смотрит в окно. Алешин наконец спросил:

— Тебя как зовут? Ты, наверно...

— Не заводи граммофон, — с новым приливом раздражения прервала она. — Я Мерилин Монро, у меня тот же номер лифчика... Господи, как мне все это надоело! — вполоборота смерила его взглядом. — Ты тоже из той же крысиной породы?

— Допустим... А ты?

Она не удостоила ответом. Напряженно обдумывая что-то, машинально обрывает лепестки цветка.

Алешин, облокотившись о колени, молча с интересом наблюдает за нею. Спросил негромко, с усмешкой:

— А ты, видно, из тех, что больше верят цветам, чем людям.

Она вскинула на него светлые глаза и в первый раз оглядела внимательно:

— Ты это сам придумал? — тут же отбросила ощипанные ромашки и заговорила напряженно, подбирая слова:

— Скажи ему... скажи... Впрочем, ничего не надо.

Она пошла к выходу, роясь в сумке.

— Да ты подожди, он сейчас появится, — посоветовал Алешин.

— А мне это все равно! — извлекла из сумки ключи, приостановилась у двери и бросила их Алешину.

— Передай ему это! — сказала она, и лицо ее вспыхнуло странной смесью презрения, торжества, ликования. — Скажи, что мне они больше не понадобятся!

Она вышла и крепко захлопнула за собою дверь.

Алешин продолжает сидеть, разглядывая в руке пару ключей на колечке.

Очень скоро открылась дверь, и вошел парень в свитере — Егор Сиротин. Он оглянулся и спросил подозрительно:

— А почему дверь не заперта?.. Ты что, выходил?

Со свертком в руке направляется в свой угол.

— Дверь отпирал не я, — ответил Алешин с усмешкой. — Вот, держи. Просила тебе передать... — перебросил Сиротину ключи, тот подхватил и живо спросил:

— Инка-эстонка была??

— Сказала, что они ей больше не нужны, — прибавил Алешин, наблюдая за ним.

— Давно?

— Только что вышла.

— Шкура... — прощедил сквозь зубы Сиротин, бросил сверток на стол и почти бегом бросился к выходу. Но у двери приостановился.

— Ладно, сама прибежит...

Что-то более важное задержало его. Он повернулся и воскликнул:

— Ну, чувак, с тебя комиссионные! Тебе здорово повезло!..

Он прошелся по комнате и с таинственно важным видом сказал:

— Сегодня говорил о тебе с боссом... спрашивал. Ты ведь, говоришь, учился на химика? У него к тебе большой интерес. Теперь только смотри сам не упусти, это такой слу-

чай! — горячо, даже мечтательно заметил Сиротин.

Алешин насторожился.

— Ну?

Сиротин сел на тахту, небрежно откинулся и, не сводя с него острого взгляда, сказал тоном приказа:

— Короче говоря, завтра утром пойдешь в химический институт и оформишься на работу... Жить будешь у меня.

Алешин удивленно встает:

— Какой институт?! Что мне там делать?

— Зарплату получать,— невозмутимо откликнулся Сиротин.— И, покончив с этим, оживился хвастливо: — Ну как, Алешин, выдал девчонку? Работница с Текстильного, а как смотрится, а? Мерилин Монро! И номер бюста тот же... — тут он вспомнил о ключах, которые все еще держал в руке, помрачнел, выругался.— Шкура... — бросил ключи на стол.

Алешин, засунув руки в карманы, ходит по комнате. Его всерьез обеспокоил этот совершенно неожиданный оборот — надо бы посоветоваться, надо сохранить свободу маневра:

— Слушай, Егор, да кто меня возьмет в этот институт?! Что ты лепиши?

Но у Егора уже испортилось настроение, он повалился на тахту и, ковыряя в зубах, хмуро бросил:

— Босс послал, значит, возьмут и оформят.— Потом уставился на Алешина прищуренным взглядом и прибавил зловеще: — Ты еще не знаешь, что такое босс...

Длинный, пустынный коридор. Паркет, настертый до блеска. Алешин медленно идет, поглядывая на номера дверей. Из глубины коридора движется на него фигура, которая чем-то сразу привлекает его внимание. Под широкими складками макинтоша угадывается приземистое, бесформенно рыхлое тело. Большие ноги ступают бесшумно и мягко, как ласты. В старой, помятой шляпе, с пухлым портфелем в руке, он как бы не идет, а шествует. Из двери за его спиной выскоцила миловидная, пухленькая девушка в белом халатике и, шустро обгоняя его, бойко поздоровалась:

— Здравствуйте, Арdalion Tихонович!

— Здравствуйте, здравствуйте, Травкина... — пропел он сладким, академическим тенорком и благосклонно прибавил: — Коза эта-кая.

Он скользнул по лицу Алешина тусклым, студенистым взглядом и проплыл мимо. Алешин даже обернулся, но разглядеть его внимательно не успел, так как шустрая девушка уже возвращалась. Обогнав Алешина, она прокатилась по паркету, как по льду, и с любопытством обронила:

— Вы что-то ищите?

— Может быть, вас, — улыбнулся Алешин.

— Ну да! — кокетливо дернула она подбородком и засмеялась, благодарная за эту нехитрую ложь.

— Мне нужна лаборатория полимеров. Точнее, ее начальник, Лебедянский.

— О-о! Так это со мной,— воскликнула девушка в том состоянии бескорыстного ли-

кования, в которое повергает ее появление каждого нового молодого человека.

— Вы его приятель?

— Пока нет.

Она открыла дверь, и они вошли в лабораторию.

Просторное помещение с большими прямоугольными окнами. Стерильная чистота, белые халаты озабоченных и сосредоточенных сотрудников, сидящих у столов на высоких табуретах и ведущих запись наблюдений,— все это делает лабораторию похожей на операционную. Сейчас гордая своей миссией девушка проводит Алешина к застекленной выгородке — кабинетику в противоположном конце лаборатории. Кое-кто оглянулся, впрочем, женская половина обернулась вся. Чей-то ворчливый голос окликнул:

— Кнопка! Где вы там веетесь? Я жду...

— Очень остроумно! — презрительно хмыкнула девушка.— Сейчас.

Чуть приоткрыв дверь, Кнопка заглянула в щелку и шепнула восторженно:

— Лебедянский здесь... заходите!

В глубине кабинета, несколько в стороне от рабочего стола, высокий, статный молодой человек оживленно наставляет в чем-то своего сотрудника. Он, несомненно, и есть Лебедянский, но первое впечатление от него для Алешина совершенно неожиданное. Даже в одежде его подчеркнута стремительная занятость и деловитость — рукава халата подняты по локоть, пуговица крахмального воротничка расстегнута, галстук ослаблен, из-под шапочки, надетой набок, видна аккуратная прядка. На

худощавом и умном лице появляется выражение веселого превосходства и иронии, когда он бросает собеседнику:

— Теперь понял? Все это, оказывается, не так уж сложно, если слегка пошевелить мозгами.

Алешин медленно подошел и молча остановился на некотором расстоянии. Лебедянский при этом на минуту отвлекся и спросил его взглядом.

— Мне нужен товарищ Лебедянский... Меня прислали оформиться,— негромко и не очень уверенно сказал Алешин, получилось многозначительно. Что-то остро беспокойное промелькнуло в глазах Лебедянского, но он тотчас отвернулся к собеседнику и уже нетерпеливо оборвал разговор:

— Ладно, идите и делайте так.

— Понял,— с некоторым смущением закивал сотрудник.— Действительно просто!

Он торопливо повернулся и при этом наступил на стул, почему-то приставленный спинкой к книжному шкафу. Отставил стул и пошел... дверцы книжного шкафа с тихим скрипом отворились. На секунду открылось его нутро, заваленное беспорядочной грудой чертежей, схем и еще какими-то рулонами, серыми от пыли, перевязанными бинтами.

— Ч-черт,— раздраженно прощедил Лебедянский, захлопнула дверцы и снова прижал их спинкой стула. Бросил исподлобья на Алешина короткий взгляд и хмуро спросил на пути к столу:

— Ваша фамилия?

— Алешин.

Сел, помедлил, не глядя на него, протянул руку:

— Дайте заявление.

Алешин передает бумажку. Лебедянский взял со стола авторучку, молча пишет резолюцию. Возвращает бумажку, так же не глядя, бросает:

— Идите в отдел кадров, там оформят.

Алешин повернулся, уходит.

Неопределенно пристальный взгляд Лебедянского провожает Алешина до самого выхода...

А в ОБХСС — оживление. Алешин наконец дал о себе знать и вызвал догадки, сомнения, споры. Андреев только что доложил о своем разговоре с ним по телефону.

— Здорово получилось, а? — восклицает оживленный Шондыш. — Вот уж, по правде, никак не ожидал такой прыти от этого мальчишки.

— То-то и оно, еще свернут ему шею, — тревожно похаживает по кабинету Николаев. — Да и вообще вся эта пинкертоновщина мне не нравится.

Шондыш горячо запротестовал:

— Почему, Николай Иванович?! Ведь не мы же, они его сами засылают в институт, как же не использовать! И наверху ничего не скажут... У Петрова даже настаивают.

— Уже позвонил? — покосился Николаев.

— Да, хотел посоветоваться... — Там опасаются — не пахнет ли шпионажем? — оживленно продолжает Шондыш. — Валютчики, Си-

ротин — мелкий фарцовщик, а тут всегда возможны иностранцы. Главное, и сейчас уже чувствуется, что дело хорошо и широко организовано.

Николаев присел и слушает, погруженный в свои размышления.

— Что может быть общего у них с институтом? Что такое — Лебедянский?

Андреев, заглядывая в свою папку, уточняет:

— По сведениям Алешина, да и по нашим данным... молодой, очень талантливый и деловитый. Недавно он сделал крупное открытие — новый синтетический материал элон, особенно ценный для нужд электроники. Заканчивает диссертацию на эту тему, считают, что у него большое научное будущее...

— Так... но Алешина-то послали все-таки к нему, и он безоговорочно взял и оформил... — задумчиво заметил Николаев.

Маленькие глазки Шондыша заблестели еще проницательнее:

— Ну да, его и надо копать!

— Второе — кто такой босс? — спросил себя и собеседников Николаев. Словно порешив со своими сомнениями, он тряхнул головой и прибавил:

— Ладно! Ты условился с Алешином, как будете встречаться, держать связь? — спросил он Андреева.

— Да, обо всем договорились, — кивнул тот.

Николаев встал, засунув руки глубоко в карманы, прошелся.

— Занятно, — усмехнулся он и юмористи-

чески посмотрел на товарищёй.— Алешин-то дорвался все-таки до своей химии!

— Еще не очень,— весело подхватил Андреев.— Лебедянский пока поставил его мыть посуду.

И все засмеялись.

А наш Алешин в белом халате действительно усердно моет химическую посуду. Широкие окна с заставленными подоконниками, обилие полок, штативов, стоек. Кругом сверкает химическое стекло: колбы различной емкости и формы, делительные воронки, пробирки, склянки, перегонные колонки, мерные цилиндры. В это царство причудливого стекла вкраплена и техника: муфельные печи, ходильники от перегонных установок, сушильные шкафы, вытяжные шкафы, эксикаторы, водяные бани, электрические плитки. Не обошлось и без обыкновенных раковин с обычным краном и, наконец, без обычных тряпок. Вот у одной из таких раковин и пристроился Алешин со своим хрупким хозяйством. Над раковиной на стене простой прямоугольник зеркала, в котором отразилась вся лаборатория. За работой Алешин иногда поглядывает в него и при этом всегда встречает устремленные на него из зеркала глаза Кнопки. Он незаметно подмигивает, и Кнопка в зеркале отвечает ликующей улыбкой.

Но вот, взглянув в зеркало, Алешин будто обжегся, тотчас отвел глаза и стал тщательно протирать колбочку. Видимо, он незаметно переменил позицию — сейчас в зеркале отразился угол застекленной стенной выгород-

ки-кабинета. И за нею, прикрываясь чуть отдернутой шторой, стоит и смотрит на него хмуро и внимательно Лебедянский...

В это время неожиданно пропел знакомый, сладкий, академический тенорок:

— Здравствуйте, товарищи, здравствуйте...

Алешин обернулся. По проходу, ступая беззвучно и мягко, шествует тот самый бесформенно-рыхлый человек, которого он уже видел однажды в коридоре. Иногда он приостанавливается и, благосклонно положив руку на плечо работающего сотрудника, склоняется и некоторое время глубокомысленно всматривается в сосуды или приборы на его столе. С достоинством выпрямляется и шествует дальше, пока не скрывается за дверью выгородки Лебедянского. Алешин под благовидным предлогом приблизился и наклонился к Кнопке, спросил тихонько:

— А это еще что за тюлень?

Глаза Кнопки округлились:

— Как, вы не знаете?! Это товарищ Блинov, начальник нашего отдела,— горячо зашептала она.— Почти член-корреспондент.

— О-о...

И Алешин вернулся к своей раковине. Почти тут же из выгородки вышел товарищ Блинov в сопровождении Лебедянского. Теперь в его начальственную важность вплетается какая-то суетливость беспокойного благоволения, за разговором он даже обнимает Лебедянского за талию. Лебедянский идет молча, смотрит на него с высоты своего роста, невозмутимо, минутами, как показалось Алешину, презрительно. Проводив Блинова до вы-

хода, он возвращается. Вся женская часть лаборатории, как по команде, одновременно подымает головы, но, встретив отчужденный и насмешливо прищуренный взгляд, коим он окидывает лабораторию, возвращается к работе.

Лебедянский неожиданно останавливается около Алешина, усердно протирающего стекло щетинистым ежиком. Молча берет одну за другой вымытые пробирки и склянки и тщательно на свет проверяет их. Наконец с некоторым удивлением заметил:

— Неплохо... Вы употребляете что-нибудь?

— Хромпик, — попросту сказал Алешин. — Хромовокислые соли в кислом растворе.

— Кто дал рецепт?

— Как кто? Сам составил.

Лебедянский поставил сосуд и с интересом оглядел Алешина.

— Гм... Так вы маракуете в химии?.. А ну, пройдемте ко мне...

Лебедянский быстро направился в свой кабинет, и Алешин последовал за ним...

Кнопка на верху блаженства. Она заливается мелодичным смехом:

— Да ну вас! Лебедянский абсолютно не мой тип, я совершенно свободна.

— Ну-ну, положим, — лукаво щурится Алешин. — Я-то вижу, какие взгляды вы бросаете, стоит ему показаться в лаборатории.

В обеденный перерыв они сидят за столиком в институтском буфете. Его ироническая, истинно мужская манера ее необычайно волнует, и в то же время — нет никакого сомнения —

ния — новый сотрудник активно интересуется ею.

Буфет работает на самообслуживании. В глубине перед буфетной стойкой к столикам проходят сотрудники с нагруженными металлическими подносами.

— Отстаньте! Дайте мне наконец покушать. Всем своим сияющим видом Кнопка опровергает сказанное и, не выдерживая, тут же начинает болтать сама: — Сначала, действительно, в него были влюблены все наши девушки, но ведь он... вы знаете, как у нас его называют? «Великолепный сухарь». Тсс...

В буфет входят высокомерно хмурый Лебедянский и суетливо благожелательный Блиннов. Лебедянский бросил взгляд на столик Алешина и Кнопки, и они прошли в соседнюю комнату, отведенную для руководящих кадров. И простодушная Кнопка, забыв о своих уверениях, провожает Лебедянского восхищенным взглядом.

— Вы заметили? Он даже костюмы носит только темные... А после открытия элона он просто ни с кем не разговаривает.

— Почему же, как раз сегодня мы с ним довольно долго разговаривали. Занятный парень, — снисходительно заметил Алешин и тут же скептически поддразнил: — Но что вы все так носитесь с этим его элоном? Ну еще один из бесчисленных синтетиков — наштампуют из него пуговиц...

— Ах нет, что вы! — в восторженном ужасе запротестовала Кнопка. Из элона можно делать массу прекрасных вещей, например плащи, даже лучше, чем «болонья»... На вы-

ставке достижений были выставлены опытные образцы, вы бы посмотрели, какой был успех. Лебедянский давал пояснения, он был великолепен!

— И вы были, конечно, с ним, там... — ревниво иронизирует Алешин. — Разделяли его триумф!

— Не язвите! — фыркнула Кнопка, она необычайно подымается в собственном мнении. — Да, я была там... Я просто работала с ним на выставке... — кокетничая, она устремляется вдаль томный взгляд...

...И на экране возникает немое изображение: большой плакат с обозначением названия института и крупно выделенным словом «ЭЛОН». Прикрепляет его над выставочным стендом Кнопка.

Съемочный аппарат панорамирует вниз по стремянке, на которой стоят ее пухлые, как бутылочки, ножки. В глубине кадра открываются пролеты большого выставочного зала с уходящими вдаль рядами стендов, крупных станков и механизмов... группа экскурсантов, отдельные посетители, не очень людно. На первом плане у стендса с разнообразными изделиями из элона — от множества различных деталей и форм для техники и электроники до действительно очень эффектного плаща типа «болонья» — с Лебедянским оживленно беседует солидный немолодой посетитель.

Голос Кнопки продолжает журчать за кадром:

— Между прочим, элоном очень заинтересовался даже один директор комбината, фамилии я не запомнила, из Риги. Он долго рас-

спрашивал о выработке из элона тканей. Восхищался нашими образцами!

Директор, небольшого роста, полный, очень хорошо, даже элегантно одет. Несколько оплывшее, самоуверенное лицо крупного хозяйственника с быстрыми глазами. Широкие выразительные жесты, особенно, когда он, как бы лаская рукой элоновый плащик, делится своими впечатлениями с Лебедянским. В сторонке — молодая девушка, задумчиво разглядывающая экспонаты стенда. Когда директор на прощанье горячо и долго пожимает руку Лебедянскому, девушка выжидательно приблизилась к нему. Директор пожал руку также и Кнопке и сказал ей что-то, весело и благодушно поглядывая на Лебедянского, и Кнопка вся вспыхнула от удовольствия...

— Мне здорово повезло тогда, меня пригласили поужинать в «Асторию», — восклицает Кнопка. Они идут с Алешиным по вечернему переулку, горят фонари — Алешин провожает ее домой.

— Лебедянский на радостях? — по-прежнему разыгрывает он ревнивца.

— Нет, к сожалению, не Лебедянский, — задорно откликается Кнопка. — Директор.

— Ах вот оно что! — Алешин берет ее под руку и склоняется близко к ее лицу. — Теперь понятно, почему он так заинтересовался элоном...

— Да вы просто Отелло! — радостно засмеялась Кнопка и нежно прижалась к нему. — Нет, нет, пожалуйста, не ревнуйте. За столом нас было трое...

И опять на экране возникает немое изображение.

...Ресторан. За отлично сервированным столиком — Лебедянский, директор и спиной к нам Кнопка. Директор в роли хозяина, необычайно оживленного и гостеприимного. Говорит преимущественно он, и это целая гамма выразительных превращений: то осанистая и плавная жестикуляция умудренного хозяйственника в спокойном деловом разговоре; то взрыв восхищения и благодушного хохота; увлекаясь, он вдруг близко склоняется к Лебедянскому и говорит с таким жаром, как будто соблазняет молоденькую девушку, или, бросив какое-то предложение, многозначительно откидывается в кресле. Лебедянский больше молчит, отвечает коротко, внимательно слушает или задумчиво поворачивает рюмку на столе...

За экраном в это время продолжает звучать диалог Кнопки и Алешина.

— ...И потом говорили только о делах. Ну, директор снова восхищался Лебедянским, говорил, что открытия его недооценивают... Предлагал опытное внедрение элона на своем предприятии... Ну все в этом роде.

— Ну и что же Лебедянский?

— Что-то мямлил, сейчас я уже не помню. Ну, вы же знаете, он не от мира сего... Потом пошел танцевать.

— Ага, с вами!

— Нет, — голос Кнопки звучит суховато. — С дочкой.

— Позвольте, с какой еще дочкой?

— С дочкой директора. Ах, ну да, я совсем забыла о ней сказать... Она, собственно, зашла попрощаться с отцом, принесла ключи от номера и уж, конечно, задержалась. Так, ничего особенного.

На экране в это время к столику подходит высокая, тоненькая девушка с приветливым лицом. Кладет на стол ключи, склоняется и, прощаюсь, целует отца. Тот, бросив на Лебедянского короткий взгляд колебания, все-таки представляет их. Лебедянский встает, пожимает протянутую руку, тут же вежливо придвигает для нее свободный стул. Девушка сперва отказалась, потом все-таки присела. Ее появление за столом директору чем-то неприятно, он смолк. Инициатива перешла к Лебедянскому, он налил ей бокал вина, но она не захотела пить. Завязался короткий разговор. Лебедянский, видимо, предложил потанцевать, она поколебалась, потом согласилась, и они встали и присоединились к танцующим.

За экраном прозвучал ненатурально веселый голосок Кнопки.

— Вот тут директор за мной действительно немножко поухаживал... Вообще было ужасно весело.

Но, увы... в кадре, где Кнопка сидит уже к нам лицом, дело обстоит совсем не так. Директор, странно помрачневший, что-то озабоченно взвешивая, молча ковыряет вилкой в своей тарелке, а Кнопка, забывшись, печально следит глазами за танцующим Лебедянским и его дамой...

Но все это уже прошло, а сейчас Кнопка

стоит с Алешином в укромном подъезде своего дома. Алешин, видимо, слишком поспешно и весело сказал:

— Ну что ж, теперь по домам.

Кнопка вкинула на него пытливый, укоризненный взгляд и, словно бы не замечая его протянутой руки, положила свою руку ему на грудь.

— Знаете... Кажется, совсем не я, а вы интересуетесь Лебедянским... Во всяком случае, больше, чем мной.

Алешин от неожиданности растерянно рассмеялся. Она, теребя машинально лацкан его плаща, отвернулась задумчиво, потом сказала простодушно и печально:

— Почему это?.. Все сразу начинают ухаживать за мной, и почему-то всегда кончается так...

Алешин смущенно взял ее руку в свою и мягко возвразил:

— Ну зачем так мрачно...

Но она продолжает смотреть в пространство и вдруг по какой-то странной логике или чутью произнесла неожиданно:

— Потом я еще раз видела их вместе, в машине...

— Кого?

— Лебедянского и директора.

...За письменным столом, освещенным лампой, Андреев, Шондыш, а в зеленом от аба-жура сумраке мерцают глаза откинувшегося в кресле Николаева.

Андреев протягивает в световой круг лист бумаги:

— Я просмотрел список, кому были посланы пригласительные билеты на выставку. Вот подходящий...

Теперь в круг лампы склоняется и Николаев, раздумчиво читает вслух подчеркнутую фамилию:

— Рубцов М. П. — директор Промкомбината. Рига.

Не подымая низко склоненной над списком головы, после некоторой паузы сказал:

— Шондыш, поезжай завтра же в Ригу. Займись Рубцовым... Гм. Видная фигура... — качнул головой и вскинул снизу от стола на них глаза. — А может, это и есть босс?..

В институте в конце рабочего дня — опустевшая лаборатория. Только у окна одиночная фигура Алешина. Машинально снимая халат, он наблюдает за тем, что происходит на улице.

— Что это вас так заинтересовало? — раздается вдруг голос за его спиной. Он испуганно оглядывается — и в кадр медленно входит Лебедянский. Захваченный врасплох Алешин не нашелся, что сказать, но Лебедянский уже у окна.

— А-а... — и он сам отвечает с иронией: — После научных трудов товарищ Блинов отбывает на отдых.

Внизу, у подъезда, заканчивая беседу скемто из сотрудников, важно спускается по ступенькам бесформенный и рыхлый Блинов. Его поджидает машина. И Лебедянский уже с откровенным презрением и, может быть, тайной завистью продолжает:

— В научном отношении — абсолютный нуль (постучал по подоконнику), дуб! А вот поди ж ты — собственная машина, дача, положение, деньги...

— Эк вы его... — удивленно посмотрел на него Алешин. — А я-то думал, что вы в дружбе; он вас всегда так встречает, обнимает...

Лебедянский ответил коротким взглядом и бросил сухо:

— Ну да... так, что не вырвешься, — и, видимо, не желая продолжать, отходит от окна. Он уже в плаще, с папкой в руке — собрался уходить, но теперь медлит.

— Вы что же не уходите? Меня дожидаетесь? — спросил он с мрачной иронией.

Но Алешин уже владеет собой, ответил спокойно:

— Журналы хотел просмотреть, а на квартире у меня не очень... Отстал я все-таки.

Лебедянский подошел к его столику, на котором развернут один из лежащих тут специальных журналов, внимательно поглядел на обложку.

— Могу вам подбросить поновее. — Он, стоя, машинально перелистывает лежащий журнал и, возвращаясь к своему, невысказанныму, говорит. — Вам никогда не приходило в голову, что у нас — сущий рай для беззаботностей?.. Попробуйте выгнать кого-нибудь за неспособность, да за него тут же горой встанут месткомы, суд... — Он присаживается на стул и закидывает ногу на ногу. — И уйма возможностей для бесполезного человека развить кипучую деятельность: заседания, представительство, общественная работа, писани-

на... — мечтательно протянул он. — Есть такой... спорт, что ли: залезают ногами в мешки и бегут наперегонки. Так вот, тут побеждает не тот, кто лучше бегает, а кто лучше бегает в мешке...

...Алешин идет по улицам один и напряженно обдумывает наблюдения и разговоры последних дней. Вот перед нами совсем близко его молодое, сосредоточенное лицо, глаза... и не важно — воспоминание ли это или на его размышления наслаждаются новые встречи и разговоры, а только теперь рядом с ним опять шагает Лебедянский, и он здорово разговорился — то шутливо, то желчно и зло:

— О, как я еще мальчишкой ненавидел таких вот «благоустроенных» родителей сонного оболтуса. Они приваживали и подкармливали меня, чтобы я решал за него задачки и «благотворно влиял»... Я, видишь ли, всегда был первым учеником и всегда голощтанником, — усмехнулся он и добавил хмуро: — Мой героический папенька после фронта к нам уже не вернулся, остался с боевой подругой. И мать меня одна выталкивала в люди.

— А в этом ей, вероятно, здорово подсознавали эти самые «месткомы»? — с усмешкой заметил Алешин.

— Пожалуйста, не агитируй, — поморщился Лебедянский. — Я в другом разрезе. По существу, в любой области все решают несколько талантливых одиночек. А они потому и одиночки, что талантливые. И трудно им потому, что одиночки...

Алешин не спорит, слушает. Лебедянский тоже смолк на минуту, потом: — А как ты думаешь... Будь я, скажем, в Америке, такой же вот химик, автор элона... пожалуй, я бы уже имел виллу, текущий счет, а? — И тут же сам, с мрачным юмором: — Вот только в Америке я не был бы химиком, при тех же условиях, пожалуй, не выбился бы... Кошмар!.. — засмеялся он, превращая все в шутку.

...А вот Алешин уже в квартире Лебедянского. Готовясь к игре, он расставляет фигуры на шахматной доске. Перед ним стоит маленькая, сухонькая старуха, с плиссированной кожей на лице и восторженно горящими глазами.

— Да, да, я всегда верила, что Толика ждет большое, большое будущее, — разговорилась она с гостем. — И вы знаете, Саша, никто не подозревает даже, какой это добрый и деликатный сын... Недавно вот. — Она засмеялась тихонечко и пояснила: — Ну, вы сами понимаете — иногда не хватает, а я теперь что могу... Ну вот, связала несколько кофточек для продажи. Толик узнал и рассердился ужасно. «Не смей, говорит, унижаться». Жалеет!..

В комнату с полотенцем в руках вошел Лебедянский.

— Мамахен в своем репертуаре, — иронически заметил он и недовольно сдвинул брови. — Не пора ли освободить площадку?

— Да нет, Толик, я ничего, поговорили... Ухожу, ухожу...

— Вот-вот, до свидания, — так же насмешливо проводил он ее.

Воцарилась неловкая пауза. Лебедянский

подсёл и, помогая расставлять фигуры, заговорил игриво:

— Слушай, ты, кажется, положил глаз на нашу милую Кнопку?

— А ты ревнуешь? — улыбнулся Алешин. — Впрочем, «великолепный сухарь» не удостаивает женщин вниманием.

— Нет, женщин я люблю, только не у себя в учреждении. На работе все должно быть чисто... — Алешин медленно поднял взгляд, и они встретились глазами. Краска неудержимо заливает лицо Лебедянского, он даже встал якобы за пепельницей.

Возвращаясь, нарочито развязно и насмешливо сказал:

— Впрочем, тебя я понимаю, ты ведь давно не видел женщин.

— Почему? — искренне удивился Алешин, на минуту забыв о своей роли. Опять получилось неловко. Лебедянский поморщился, положил ноги на стул и бросил цинично:

— Ладно, не прикидывайся казанской сиротой. — Вызывающе мрачно смотрит в упор на Алешина.

— Ах ты вот о чем, — спохватился тот. — Да нет, женщины ведь везде попадаются... Ну, выбор, конечно, не тот, но жизнь идет...

Алешин при этом, зажав в кулаках две пешки, предлагает ему выбор. Лебедянскому выпали черные, и Алешин делает первый ход. Они быстро разыгрывают дебют. Попутно Лебедянский подымает взгляд на Алешина, и вдруг в глазах его то же выражение тревожного и жадного интереса, с каким смотрел на Алешина Сиротин.

— Слушай, значит, можно все-таки жить и там?.. Если махнуть на все рукой... Привыкнуть, приспособиться...

Алешин понял, что Лебедянский старается примириться с таким неизбежным будущим. Этого позволять ему нельзя, надо отбить охоту — да пожестче:

— Ну, это как сказать и как кому... — Алешин сделал ход и спросил: — Ты в карты играешь?

— Нет, терпеть не могу.

— Ну, так плохи твои дела. Сам не играешь, так тебя проигрывают в два счета. По частям разденут догола, а то и ножичком полоснут. Там ведь то же: талант-одиночка пролируется сквозь толпу ничтожеств. Только не с диссертациями, а с ножичком... — Алешин приподнял голову от доски и оценивающеглядывает Лебедянского. — А ты им что? Интеллигент, фу! Штаны, пиджак, колеса-ботинки — только в тебе и всего... Так что, не советую...

— Гадость! — с отвращением произнес Лебедянский и так неосторожно встал, что фигуры посыпались с шахматной доски.

В комнатенке Сиротина — за полночь. Алешин, готовясь ко сну, моется у раковины, потом, утираясь полотенцем, подходит к столу под сенью горящего торшера. Сам Сиротин мрачно привалился к стене на тахте.

— Ну, так что такого важного ты собирался мне сказать? — спрашивает Алешин. Сиротин мрачно молчит, думает. Потом повел взглядом на Алешина, спросил:

— Инка-эстонка не заходила?

— Откуда я знаю, я был в институте.

— Шкура, — проскрипел зубами Сиротин. — Я сегодня весь город обшарил, прячется, шкура...

— Это что, и есть то самое — важное? — усмехнулся Алешин.

— Заткнись! — огрызнулся Сиротин, вдруг приподнял ногу и сказал нагло: — А ну, сними мне сапоги.

— Не приучен.

Сиротин некоторое время смотрит на Алешина прищуренными глазами. Вдруг медленно, веско отчеканивает:

— Завтра ровно в двенадцать будешь в Петропавловской крепости. Только не на пляже, а в соборе... Встретишься с боссом.

— С боссом? — даже переспросил взволнованный Алешин. Помолчал. — А как я его узнаю?

Сиротин в первый раз злорадно улыбнулся:

— Солидный мужик — пятьдесят второго размера... Да он тебя сам найдет. Ты и ахнуть не успеешь, как вот он — перед тобой.

Сырой, пасмурный день. Алешин медленно идет по мостику к Петропавловской крепости. Черный двуглавый орел нависает над аркой тяжелых ворот... Прошел вторые, и перед ним раскрылась угрюмая панорама приземистых строений с высоким золотым шпилем колокольни в глубине. Куранты таинственно и тускло пробили без четверти. Он входит в собор... В центре собора теснится боль-

шая группа экскурсантов. Неразборчиво и часто звучит автоматический женский голос: «Царизм... самодержавие...» Потом девушка-гид вынырнула из толпы, стремительно побежала, и вся толпа шарахнулась за нею налево, к гробницам Александра II и его жены. Чтобы быть на виду и самому оглядеться, Алешин вышел на освободившееся пространство, медленно двинулся в правую пустую часть, не упуская из вида людей вокруг экскурсовода. Впрочем, она снова вынырнула и побежала к выходу. Вся группа, увлекая за собой одиночек, топота, устремилась за нею, и собор опустел.

Алешин внимательно оглядел две-три оставшиеся фигуры — ничего подходящего. Он прошелся вдоль белых мраморных гробниц, огороженных решеткой. Остановился перед иконостасом и невольно залюбовался удивительной резьбой. Глухо ударила полуценная пушка. Продолжительно забренчали куранты... В это время за его спиной негромко раздался хрипловатый голос:

— Вот ведь... Царизм свергли, а все ходят и ходят смотреть на него. Стоит на века, дальновидно строили.

Алешин насторожился — это он! Поборол желание оглянуться и, не выдавая волнения, в том же тоне созерцания, размышления сказал:

— Люди любуются красотой, чьим-то талантом в этой работе, а царизм под полом докладывает.

За спиной сиплый выдох, ворчанье, усмешки.

— Эк вы его... Таланту вашему, не забывайте, челюстями работать надо. Кто платит, тому и угождает. Эвон сколько золота и мрамора наворочали, а по мрамору подпись: Петр, Александр... Кто капитал вложил, тот и славится.

Алешин медленно обернулся. Перед ним стоял очень большой, сутулый, немолодой мужчина. Странно поразило — массивное, грузное тело и маленькая голова. «Похож на бронтозавра» — пронеслось в голове Алешина. Одет он был в темный макинтош — подлиннее, и брюки — пошире, чем модно сейчас. Белый шарф и, несмотря на лето, велюровая шляпа — чуть утрированная внешность солидного ответственного работника. Одутловато-брюзгливое лицо. Тяжелый взгляд из-под кустистых бровей.

— Вы, кажется, видели нашего друга в санатории? — хрипловатым басом спросил он.

— Одни процедуры пришлось принимать, — выжидательно ответил Алешин.

— Горюет? — притворно вздохнул бронтозавр. — Горюет небось, бедолага, по шевелюре-то... пышная была такая.

Он выразительно шевельнул толстыми пальцами, пристально глядя в лицо Алешину, и тот почувствовал ловушку. Пауза затягивалась...

— Как сказать... — неопределенно усмехнулся Алешин, решил рискнуть. — По-моему, он лыс, как билльярдный шар.

Мужчина, не торопясь, омыл взглядом лицо Алешина, протянул руку и отрекомендовался:

— Сабодаж,— пожал Алешину руку и еще раз оглянулся на иконостас, вздохнул философически.— Да-а, время дремучее, соцдействительность...— кивнул на иконостас.— Такие штучки уверенность и спокойствие возвращают!

Потом отвернулся и, резко изменив тон, сказал:

— Поговорим о деле... как вас устроили? Они медленно, рядом идут из собора...

...А сейчас, так же неторопливо беседуя, они проходят уже пустынным, глухим переулком, который ведет к казематам Трубецкого бастиона. Слева крепостная стена, вдоль нее узкий тротуарчик из выщербленных плит, но Сабодаж, засунув руки в карман, шагает по мокрому асфальту, грузной фигурой оттесняя Алешина к глухой стене Монетного двора.

— Ну, что еще...— говорит Алешин, отчесываясь и как бы боясь упустить что-нибудь...— Понимаете, трудно ориентироваться, когда не знаешь, что вас, собственно, интересует в институте? Какая моя цель там?..

Сабодаж метнул на него пронзительный взгляд.

— А-а, зачирикала пташечка...— неожиданно тонким фальцетом пропел он и резко выбросил руку из кармана. Щелчок пружины, и лезвие стилета сверкнуло так близко, что Алешин невольно отшатнулся к стене. Сабодаж привалился рядом и, прикрывая его своим большим телом, забормотал так, что пузыри пошли в углах искривленного рта:

— Дурной крови много... лечить надо... А ведь не пташка ты, дятел. Стук-стук, стук-стук-стук. Слюнявой конфеткой купили?

— Да вы что...— пробормотал испуганный Алешин. Дешевка, крестный...— с трудом выдавил он.

— Хирургический, только хирургический... Крылышки укоротим, порхать не будешь... Дурашка, жаль мне тебя, и себя жаль, лучше уж ты...

Теперь Алешин промолчал, Сабодаж лениво отделился от стены и стал чистить стилетом ногти.

— Шучу я,— сказал он благодушно. — Я эти самые шутки до ужаса люблю.

Медленно пошли. Щелкнула пружинка, лезвие скрылось в кулаке, и Сабодаж заговорил тоном ответственного работника.

— Перейдем к делу. Скрывать не буду: к вам необходимо присмотреться. А пока осваивайтесь, врастайте, шупайте почву. Шире знакомьтесь, хорошо слушайте. Участвуйте в сантехниках, за столом не скряжничайте. Субсидия будет, конечно, в разумных и допустимых суммах. Не вздумайте жировать на глазах, но и святошу не корчить: сразу чураться начнут, проверено. Ярлыков, ярлыков избегайте. Навесят — отмычку не подберешь. Отзывайтесь о людях только положительно, кстати, в вашей игре это единственный козырь. Вот, пожалуй, и все. Задача ясна?

— Как будто.

— Запомните, всякая там самодеятельность исключается. Понятно?

— Абсолютно.

— Так-то лучше.

Они подходят ко входу в Трубецкой бастион. Глубокая арка заделана массивными деревянными воротами, в них раскрытая калитка. Приостановились.

— А теперь вспомним азбуку, — продолжает Сабодаж. — Обо мне не высматривать — сам явлюсь. Раз. Ходите по улице, не забудьте проверять, не метут ли за вами пыль. Рекомендую на этот случай такси. Два, — он сделал пригласительный жест. Алешин вошел в калитку, но принужден был остановиться и обернуться — Сабодаж остался стоять по ту сторону калитки. Опершись руками о ворота, он оглядывает тяжелые своды арки, произносит многозначительно:

— Трубецкой бастион... Ну, дальше вы сами осматривайте, не люблю я этих ужасов царизма, — положил руку на ручку калитки. — Ну, бывайте! — Калитка захлопнулась и скрыла его от Алешина.

Институт. Запыхавшийся Алешин возвращается в лабораторию. Снимает с вешалки и спешно натягивает халат, шапочку. Застигаясь, подходит к столику Кнопки, вопросительно улыбаясь:

— Ну как ты тут без меня?

— Анатолий Борисович спрашивал, почему вас нет на месте, — с видом сообщницы прошептала Кнопка. — Я сказала, что в военкомате.

— Умница, — подмигнул Алешин и, все еще улыбаясь, направляется к выгородке Лебедянского. Открыл дверь и замер на поро-

ге — улыбка сползла с его губ, глаза испуганно округляются...

Заканчивая оживленный разговор, за своим столом стоит улыбающийся Лебедянский, а перед ним наша старая знакомая — маленькая журналистка с большим портфелем... Боже мой, с каким удовольствием он встретился бы и поболтал с нею, но сейчас, здесь — она все провалит! Эта мысль просто парализовала Алешина, и как раз в эту минуту, следя за взглядом Лебедянского, журналистка обернулась, они встретились глазами, и с ее лицом происходит та же метаморфоза.

Алешин еще на короткое мгновение застыл в проеме двери, с нелепым выражением лица, словно бы в состоянии невесомости, потом скрылся, тихо прикрыв за собою дверь. Журналистка повернулась к Лебедянскому и странно упавшим голосом спросила:

— А это... кто?

— Один наш молодой сотрудник, — ответил несколько удивленный Лебедянский. — А в чем дело?

— Я, видите ли, мне показалось... — начала было журналистка, зардевшись, но отнюдь не интересы ОБХСС, а какие-то более глубокие и интимные причины заставили ее целомудренно уклониться. — Да нет, ничего особенного... — и, тут же что-то решив, она уверенно заявила: — Пожалуй, не стоит откладывать... Статью я завезу вам проверить...

...А в это время в курилке в страшной тревоге шагает из угла в угол Алешин. Курил и напряженно обдумывает положение. В дверь заглянула Кнопка.

— Ага, вы здесь? Анатолий Борисович зовет.

Алешин, затягиваясь сигаретой, пытливо смотрит на нее и странно медлит.

— Она ушла? — наконец спрашивает он.

— Кто?

— Ну эта... из газеты.

— Ах, вы тоже обратили внимание? — оживилась Кнопка.— Ужасная нахалка! Уже ушла, ушла.

...И вот он входит в кабинет Лебедянского. Тот встречает вопросом:

— Куда же ты исчез? — и тут же, лукаво прищурив глаза: — Слушай, брат, да ты, оказывается, совершенно неотразим! Сейчас у меня девчонка из газеты сидела, так вот, ты заглянул, и она сразу опешила. Верно, верно, вспыхнула вся: «Кто это?» — спрашивает, — смеется Лебедянский.

Алешин настороженно, готовясь к худшему, хмуро всматривается в него.

— Гм... Чем же я ее так заинтересовал? — кисло усмехается он.

— А вот это ты уже с нею выясняй, — разводит руками Лебедянский.— Завтра она зайдет к трем. Я тебя обязательно познакомлю! Но суть не в этом, — уже серьезно заговорил Лебедянский, вставая и прохаживаясь по комнате.— Она хочет писать об открытии элона, и это ужасно кстати будет сейчас, понимаешь? Вставить фитиль товарищу Блинову.

— А при чем здесь Блинов? — спросил Алешин, успокаиваясь.

Лебедянский покосился на него и заметил снисходительно:

— Надо быть все-таки немножко наблюдательней. Ты что, в самом деле до сих пор не в курсе? — спросил он и с презрительной ironией прибавил: — Увы, мой друг, есть такой особый род заботливых научных руководителей — всеми-то они руководят, всем помогают — там зернышко клюнет, там пушинку стащит или соломинку, глядишь, общими силами и себе докторскую слепил. Мне важно, пока не поздно, и в печати закрепить мое авторство на элон, понимаешь? — снова серьезно закончил Лебедянский...

В стеклянной будке автомата чрезвычайно встревоженный Алешин говорит в телефонную трубку:

— Эта журналистка завтра в три... Да, да!.. Если она меня снова увидит или начнет спрашивать обо мне? Она все провалит!..

А на другой день наша журналистка действительно направляется в химический институт. Крепкие ножки в туфлях на низком каблуке энергично и как-то особенно целеустремленно постукивают по тротуару... как вдруг из машины, мимо которой она шагает, выскакивает и преграждает ей дорогу Андреев.

— Здравствуйте! — радостно приветствует он девушку.— А я за вами.

Девушка остановилась перед этим неожиданным препятствием, но сохранила полное самообладание.

— Здравствуйте... Ах, ну да, вы, кажется, из ОБХСС.

— Точно! И я за вами... Все материалы, интересующие вас, подготовлены.

— Ах вот что,— сухо сказала девушка.— Но я сейчас работаю над другой темой, и меня как раз ждут, вот — в институте...

— Но сам товарищ Николаев...

— Извините, я очень тороплюсь, я опаздываю,— смотрит на часы журналистка и делает шаг налево, чтобы обойти его, но Андреев тоже делает шаг и торопливо уговаривает:

— И вы знаете, он берет вас на интереснейшую операцию.

— Сожалею,— делает она шаг вправо.— Придется в другой раз.

Но Андреев снова на пути, даже руки раскинул:

— Одну минутку...

— Да вы пропустите меня наконец! — вспыхнула девушка и так решительно пошла вперед, что Андреев сразу оказался позади. И, не решаясь употребить силу, он крикнул ей вслед с отчаянием.

— Послушайте! Вас ждет Алешин!

И вот тут она вдруг остановилась и обернулась.

— Где? В институте?

— Да нет же,— заторопился Андреев с настойкой.— Он уже вернулся из командировки, он ждет вас у нас в ОБХСС.

— Позвольте... но разве он не уволился? — Девушка даже сделала несколько шагов обратно и приблизилась к нему.— Я ничего не понимаю...

— Сейчас я все, все объясню,— подхватывает ее под руку Андреев и увлекает к машине.— Садитесь!

— Но я же должна... — девушка, слабея, бросает взгляд в сторону института, но Андреев почти силой вталкивает ее в машину.— Садитесь, садитесь... — втискивается за нею сам, хлопает дверцей, и машина ураганом срывается с места...

А в это время Николаев, обняв за талию Шондыша, быстро проходит по коридору ОБХСС, оживленно приговаривая:

— Ну-ну, рассказывай скорей, что ты привез нам о Рубцове?

— Боюсь, Николай Иванович, разочарую...

Они входят в приемную. Шондыш продолжает:

— ...Во-первых, Рубцов оказался довольно заметным хозяйственником, с приличной репутацией, депутатом. Промкомбинат его неизменно держит переходящее знамя. Но дело даже не в этом...

— Ко мне никого не впускать,— бросает на ходу Николаев секретаршу. Войдя с Шондышем в кабинет, закрыл за собой дверь и обернулся к нему полный ожидания.

— Выяснилось,— сказал Шондыш,— что Рубцов действительно предложил опытное внедрение элона у себя, и Лебедянский согласился. При этом Лебедянский получил довольно крупную денежную премию.

— Ага, ну-ну?

Шондыш сделал паузу и закончил неожиданно:

— Но все это на совершенно законных основаниях и оформлено соответствующим договором.

— Вот тебе на! — Николаев, разочарованно опустив голову, прошелся по кабинету.

— А о чём, собственно, договор?

— Институт, то бишь Лебедянский, представляет всю документацию, технологию, а также необходимое количество порошка-катализатора...

— Из которого Рубцов стряпает этот самый элон, плащи и прочее? — живо угадывает Николаев.

— В том-то и дело, что промкомбинат выделяет, собственно, не самый элон, а его полуфабрикат в виде плитки, — вздохнул Шондыш. — А главное, что все эти плитки он должен полностью возвращать опять же в лабораторию Лебедянского.

Николаев смотрит на него секунду, видимо, не вполне понимая.

— Позволь... А какой же, собственно, интерес Рубцову...

В это время дверь шумно распахнулась.

— Кто там ломится? — сердито крикнул Николаев. — Я же сказал, никого не впускать!

И тотчас услышал гневный отпор журналистки:

— Нет, извините! Это вы объясните, почему меня отрывают от срочной работы и почти силой и обманом привозят к вам?!

Стоящий позади Андреев в отчаянии разводит руками.

— Товарищ полковник, иначе было не удержать.

Тотчас уловив ситуацию, Николаев обернулся к Шондышу:

— Мы еще продолжим, — махнул рукой

Андрееву и, отпустив товарищей, жестом привлек журналистку: — Присядьте. Сам усаживается в кресло напротив и с минуту хмуро смотрит на неё, не зная, как начать. В глазах его вспыхивает веселый огонек.

— А вы, знаете, все-таки молодец! — произносит он наконец. — Только захотите, и я немедленно беру вас к себе на работу.

— Я решительно отказываюсь понимать эти шутки, — непримиримо обрывает журналистка, но Николаев неожиданно склоняется к ней и спрашивает таинственно:

— Вы видели его?

— Да, — растерянно отклинулась она, сразу поняв, о чём идет речь.

— Ну вот... — огорченно откинулся в кресле Николаев и забарабанил пальцами по столу. — Плохо, очень плохо... И для дела и для Алешина. Я, собственно, не имею права разглашать... — произнес он «загадочно» и смолк перед тем, как перейти к самой деликатной части задуманного маневра. Снова искоса пристально взглянул на неё.

— Вы, кажется... — затрудняясь подобрать нужное выражение, он страдальчески морщится, даже потряс рукой в нарастающем раздражении. — Ну как это там у вас называется — интересуетесь им... Ну, любите, что ли...

Журналистка даже задохнулась.

— Вы с ума сошли... — гневно подымается она, опираясь о ручки кресла, но в ту же секунду её пронизывает страшная догадка, и она, слабея и медленно опускаясь обратно, испуганно спрашивает:

— А что, ему угрожает опасность?!

— Да, да! — закричал он сердито.— Особенno, если вы будете совать нос в этот институт и болтать там...

В один из ближайших дней, когда Алешин сидел на своем рабочем месте (и занимался уже не мытьем химической посуды!), в лабораторию вошел Лебедянский с газетой в руке. Проходя мимо Алешина в свою выгородку, он бросил ему:

— А ну, зайди ко мне.

Алешин вытер руки и пошел за ним. Лебедянский в ожидании присел на край стола, сразу протянул ему газету:

— На, читай... обскакал сукин сын,— взволнованно воскликнул он и нетерпеливо помог Алешину найти нужное место.— Да вот, вот... видишь, какая шапка: «Новая комета на небосклоне синтетиков», «Открытие элона»... «Беседа с начальником отдела... товарищем Блиновым»...

Алешин погрузился в чтение заметки. Лебедянский мрачно размышляет, усмехнулся сердито:

— А эта девчонка так и не явилась. Какая там подпись? — быстро согнувшись, заглядывая в газету.— Ну да, какой-то Б. Грищенко... Видимо, не справилась, дуреха, и тему передали другому.

Алешин и глазом не повел, прочел и качнул головой с укоризненной усмешкой.

— Н-да... Товарищ Блинов скромно не отрицает своего вклада в это открытие.

Лебедянский соскочил на пол и, проходя к сейфу, говорит решительно:

— Это мне урок. Нельзя больше откладывать защиту диссертации.— Вынимает из сейфа голубую папку и возвращается с нею к столу.— Завтра же иду к директору. А то ведь этак скоро мне и защищать будет нечего...— Он, стоя, озабоченно перелистывает на столе страницы диссертации. Потом подымает голову и с авторской застенчивостью предлагает:

— Слушай, Сашка... Не хочешь почитать?

— Конечно... с интересом!

— Возьми,— протягивает он голубую папку.— Может, присоветуешь что перед решительным боем...

В этот вечер Алешин в хмурой задумчивости возвращался из института. Прошел через знакомый двор, открыл входную дверь и приостановился на ступеньках... В сумраке подвального коридора глухо доносится откуда-то музыка. Спустился и у двери в сиротинское жилье прислушался. Ну да, это там магнитофон, но дверь заперта, как полагается. Вынул ключи, отпер и, осторожно приоткрывая дверь, вошел...

На сиротинской тахте, закинув руки за голову, лежит Инка-эстонка.

Алешин невольно усмехнулся, вспомнив их первую встречу,— теперь они поменялись местами.

— Здесь что, уже семейное общежитие?

Насмешливо спародировал он ее тогдашний взгляд. Инка не ответила и не пошевелилась. Она лежит, уставясь в потолок неподвижным взглядом, и что-то в ней теперь совсем другое — раздавленное, безнадежное,

словно отравленное этим тихим воем магнитофона.

Алешин снимает и вешает плащ, приговаривая:

— Ну что ж, милости просим. А то Егор до чертиков надоел: «Инка не заходила?», «Не встречал Инку?»... Он весь город обегал.

Прошелся по комнате, от нечего делать закурил и присел на свою раскладушку.

— Он тебя уже видел?

— Нет,— безжизненно откликнулась она. Беспокойно зашевелилась, протянула руку к сумочке, достала сигарету и тоже закурила. Глубоко затянулась, все так же уставясь в потолок неподвижным взглядом. Впрочем, тут же отбросила сигарету, резко повернулась, выключила магнитофон и медленно встала.

— Нет ли выпить чего-нибудь? — спросила она, озираясь.

Алешин кивнул головой:

— Там, под тахтой, у него шкафчик... уже забыла?

Инка с мрачной решимостью извлекла бутылку вина, стакан, налила, молча пьет сама.

Алешин наблюдает, помолчав, спросил тихо:

— А ключи, значит, опять к тебе вернулись?.. Понадобились все-таки.

И тут же в неожиданном, почти истерическом припадке гнева, презрения, отвращения она выкрикивает:

— Это мне-то понадобились? Мне? Мне нужен этот подонок? Вонючие губы, липкие лапы... хорек, рыжая крыса, крыса... Ох, да

лучше бы мне умереть,— простонала она и, упав головой на стол, разрыдалась неудержимо и безнадежно.

Алешин спросил сочувственно:

— Что случилось, Инка?

Она продолжает плакать. Он встал, сделал несколько шагов к ней.

— Скажи, я, может, и помогу...

Она еще на расстоянии вскинулась, отстринилась: сухо и злобно.

— Не подходи... Ишь расчувствовался... Такая же сволочь...

Взяла сумку со стола и вытащила зеркальце, осторожно вытирая мокрые щеки и глаза, встала, медленно пошла к выходу и вдруг замерла. Стукнула входная дверь, раздались шаги, потом открылась дверь, и в комнату вошел Сиротин. Увидел Инку. С каменным выражением лица, походкой кинематографического гангстера проходит в комнату, глядя куда-то мимо ее головы. Приблизился и внезапно обрушился градом пощечин — справа, слева... Выкрик Алешина за кадром: «Прекрати!..» Инка прикрыла лицо, и тогда обрушился страшный удар кулака куда-то в печень, посыпалось на пол содержимое сумочки, девчонка отлетела и упала, скорчившись, на кушетку. Сиротин тем же тяжелым шагом снова направился к ней, но тут же, скваченный за шиворот, летит через всю комнату в противоположную сторону, сильно ударившись о стену.

Ошеломленный неожиданным полетом и ушибом, он дико озирается. Вдруг из горки пустых бутылок вырвал одну, ударом о батарею отопления отбил дно и, пригнувшись,

двинулся на Алешина. Тот взял стул и двумя руками поставил перед собой, напряженно следя за его приближением. Хриплый поток блатных ругательств и угроз Сиротина и неожиданно спокойный и насмешливый вопрос Алешина.

— А ты договорился, куда доставить мой труп, когда меня вызовет босс?

Ему видно, как внезапно запнулся Сиротин, и он подавил жестко:

— С Сабодажем захотел поговорить?

Сиротин совсем обмяк и нерешительно затоптался на месте, потом быстро оглянулся на Инку — она уже стоит, испуганно прижалась к стене, — и грозным кивком головы приказал ей выйти. Она секунду помедлила, остановившись отчаянным взглядом на Алешине.

— Н-ну!.. — подстегнул Сиротин, и она, подбирая сумочку, покорно вышла и прикрыла дверь. Сиротин все еще в той же угрожающей стойке проводил ее глазами и отшвырнул осколок бутылки. Внезапно выбежал за нею, огляделся за дверью, и когда возвратился, он шел уже обычным шагом, не глядя на Алешина, будто ничего не случилось. Алешин закуривает. Сиротин прошел к столику, взял стакан, понюхал. Потом поднял бутылку на свет, проверил, сколько выпито, тщательно закупорил и спрятал под тахту. Усаживаясь на тахту, он трусливо метнул глазами на Алешина и, прикрывая злобное унижение, заговорил, интимничая:

— Ты знаешь, что эта шкура надумала? Ха! Влюбилась!.. Да, да! Я нашел ее все-таки, а

она мне лапки на грудь. «Больше не могу, говорит, отпусти ты меня ради бога, люблю...» Я чутко расспрашиваю, кто и что... инженерик с ихнего завода и те де... ну, я сыграл в благородство — пожалуйста, детка, будь счастлива... — хохочет Сиротин.

Алешин посчитал нужным присоединиться кривой усмешкой.

— ...А вчера встречаю этого Ромео в уютном месте, подхожу вежливо, вплотную: инженер такой-то? Он тоже культурно: чем могу? Я его хрясь! Холку взбил так, что он на карачках полз. Потом поднял за шкирку, поставил на копыта и показал ему фото Инки во всех видах, понимаешь? В чем мать родила... и так, и этак. Я это фотографировать люблю, понимаешь?

— Какая же ты, действительно, скотина, — угрюю выговорил Алешин, не в силах притворяться.

Сиротин взглянул волком и процедил сквозь зубы, злобно:

— Жалостливый... уж не сектант ли? Или сам к девчонке ладишься? — подымается и с тихой вспышкой ярости: — Ах, счастье твое, что сегодня... — сдержался и жестко и веско закончил: — Ладно уж... вот что: я сейчас говорил с боссом. Он велел тебе завтра в двенадцать ждать на условленном месте. Понял?..

Алешин с голубой папкой в руке вошел в кабинетик Лебедянского. Тот поднял голову от стола и, заметив папку, выжидательно улыбнулся:

— Ну как?

— Ты знаешь, удивительно хорошо... — с искренним восхищением, но почему-то тихо и даже печально сказал Алешин и положил голубую папку перед ним на стол. — Дело даже не в элоне, но эта серия соединений, которую ты нашупал, твоя методика открывает такие возможности!..

— Ага, все-таки понял! — радостно восхликал Лебедянский и в странном восторге, в котором было не только профессиональное увлечение, заговорил сбивчиво и бурно: — Да! Да! Элон только первая проба, и с ним мне пора кончать. Надо немедля сдавать диссертацию! И двигаться дальше! — С блестящими глазами, с лицом, доверчиво открывшимся в большом духовном подъеме, он сейчас и вправду красив. Любовно взял в руки голубую папку. — Да, брат, тут вся сила, свобода, будущее... — задорно ударил папкой по столу и засмеялся. — Да ты что стоишь?! — и быстро отошел к сейфу. Открыл его, спрятал папку, оттуда возвращается с начатой бутылкой коньяка. Алешин продолжает стоять, задумчиво глядя мимо него в окно. И еще в прежнем азарте Лебедянский восклицает на ходу:

— Мы еще с тобой такое покажем!.. Где твоя «мертвая голова»? — находит и ставит перед Алешиным мензурку с черепом. Когда он разливает коньяк, по лицу его проходит тень озабоченности и, усаживаясь, он заговорил осторожно, тоном крайней дружеской откровенности.

— Знаешь, Сашка, у меня давно чешется язык спросить тебя... Я ведь сразу почувствовал, что ты не той породы... ну, что институт

не закончил, подумаешь, — встретился бы не со мной, так с другим, и все наверстал бы, ты ведь прирожденный химик!..

— Так сложилось, — начал захваченный врасплох Алешин и опустил голову.

— Нет, ты меня не понял, — поспешил перебил его Лебедянский и, отодвинув свою наполненную мензурку, с жгучим интересом прилег грудью на стол. — Прости, может быть, тебе неприятно... Ну хорошо, когда-то ты влип там во что-то, но ведь уже отмучился, отбыл и вышел чистым, совсем чистым... Зачем ты опять влез в эту петлю?..

Алешин молчит с минуту.

— Податься было некуда... — механически произносит он, потом медленно поднял голову и, глядя прямо в глаза Лебедянскому, вдруг тихо спросил: — А зачем ты влез?..

Лебедянский откинулся назад и побледнел как полотно.

— Пошел вон... — выдохнул он в тихом бешенстве. — Обнаглел совсем.

Алешин помедлил, криво усмехнувшись, повернулся и направился к двери.

— Постой! — задержал его Лебедянский. — Возьми стул! Садись!

Алешин вернулся, взял ближайший стул, поставил... дверцы книжного шкафа с тихим скрипом медленно отворились, обнажилось темное и пыльное его нутро... Лебедянский рванулся к нему со стоном.

— Черт... Эти дверцы меня с ума сведут, — заклопнул, прижал другим стулом, и тут же, овладев собой, повторил развязно:

— Садись, Алешин... поговорим начистоту.

И это уже совсем другой Лебедянский. Его лицо еще дрожит, но огромным усилием воли он натягивает привычную маску насмешливо-го высокомерия.

— Ты что, собственно, вообразил на мой счет? — удобно откинувшись в кресле, Лебедянский взял мензурку и отпил глоток.— Я абсолютно не знаю, какими махинациями занимаются твои приятели. То, что делаю я, я делаю на совершенно законных основаниях.

— За исключением того, что ты снабжаешь их своим порошком для этих махинаций,— с мрачной усмешкой сказал Алешин.

— По договору.

— С излишком.

— Откуда ты взял?!

— Брал не я. Вот...— Алешин приподнялся и перебросил к нему на стол пухлую пачку ассигнаций, заклеенных банковской бандеролью.— Сабодаж приказал тебе передать.

Еще одно превращение Лебедянского. С трудом сохраняемая самоуверенность клочьями сползает с его лица. Секунду — от неожиданности — он смотрит на пачку, открыто лежащую перед ним на столе, потом поспешно выпрямляется. Страшно смотреть, как, подчиняясь универсальному закону, глаза не видят, что делают руки, он выдвинул ящик стола, с каменным выражением, не глядя, сбросил в него деньги и задвинул ящик. Алешин почти с откровенным презрением прибавил:

— Сабодаж хотел, чтобы я еще припугнул тебя при этом.

И последняя вспышка гордости и ненависти исказила лицо Лебедянского.

— Наглец! Я не боюсь его. Он сам у меня в руках!

Он склонился к Алешину и с неожиданно жалкой, угодливой фамильярностью сообщника сказал: — Представляешь? Этот пузырь из каждой запечатанной пачки ухитряется выудить несколько бумажек. Стоит мне только позвонить...

Он опомнился и не договорил — кому. После этого они долго сидели молча.

Алешин произнес медленно, мрачно и грустно:

— А что до петли... В одиночку не выкрутишься... Разве что вместе со мной.

Лебедянский не ответил, сидит, бессильно уронив голову на руку. Он уже больше ничего не играет. Сказал тихо, с тоской:

— Уйди... Я устал.

— Диссертацию?..

Голова Сабодажа резко дернулась, будто клюнула сидящего рядом Алешина.— Диссертацию, говоришь, хочет защищать?!

Они сидят на скамье на Островах, на Стрелке. За ними ясный простор залива. Алешина удивила эта неожиданная реакция Сабодажа. Он сказал смущенно:

— А вам-то что до этого?.. Я ведь об этом так, между прочим, сказал.

Но Сабодаж уже не слушает его:

— Оппонентов, говоришь, приглашают...— косматые брови его зашевелились в тяжелом мыслительном усилии.— Так вот он, значит, что задумал... Из силков захотелось освободиться... Не выйдет! — обрубил он грозно и

застрочил горячей скороговоркой: — Слушай, Алешин, вот когда твоя минута пришла! Делай как знаешь,— хочешь, бери на испуг или какие там научные закавыки подведи... В общем, думай, ищи, а только это надо немедленно поломать, отменить, понимаешь? Чтоб никакой защиты! — выдохнул он тяжело и спросил: — Деньги он у тебя взял?

— Взял,— хмуро ответил Алешин, с внезапным желанием поддеть Сабодажа, прибавил: — Сперва хотел вернуть, даже грозился.

— Ну? — сдвинул брови Сабодаж.

— «Он, говорит, теперь у меня в руках». Вы якобы у него из каждой пачки по несколько бумажек выуживали.

— Он звонил?.. — быстро спросил Сабодаж и осекся.

— Кому? — спросил Алешин.

— Ну да ладно... Ах ты... — засопел и захормотал нечленораздельно Сабодаж: — Вот что... Задание тебе насчет диссертации — отменяю. Этим я сам займусь. Я ему вправлю мозги... Я ему страшным оппонентом буду, — тяжелой рукой он выразительно перекрестил воздух...

За ветровым стеклом идущего такси — Андреев за рулем и рядом Алешин.

— А ведь Сабодаж испугался,— живо обернулся от руля Андреев. — Стало быть, он не босс, есть и над ним кто-то еще...

— Да, тут он проговорился,— машинально кивнул Алешин, продолжая сосредоточенно обдумывать что-то.

— Значит, все-таки Рубцов? — снова во-

просительно обернулся Андреев, но Алешин, не отвечая, заговорил про свое, медленно нащупывая, словно бы думая вслух:

— Кажется, я начинаю понимать, почему он так окрысился на диссертацию... Пока элон в лабораторной разработке, то есть до сдачи диссертации, всем бесконтрольно распоряжается Лебедянский. Расход порошка-катализатора никто не контролирует. Рубцов требует, и Лебедянский посыпает ему гораздо больше, чем возвращается потом в плитках элона. Как установить это, я еще не знаю; и что они делают с этими излишками порошка — тоже не знаю... Это дело Шондыша.

— Шондыш вообще сомневается в Рубцове — даже связи его с Сабодажем пока не нашупали, — заметил Андреев.

— В общем, они, конечно, заинтересованы как можно больше продлить этот льготный период, — сказал Алешин и тут же заговорил живо, даже взволнованно: — Но драма не в этом... У Лебедянского есть последняя надежда, что с защитой диссертации все это кончится и он вырвется из западни Рубцова и Сабодажа, что они просто потеряют к нему интерес и вся эта история будет забыта, похоронена, понимаешь? Вот это Сабодаж и учゅял... И теперь вот замахнулся на эти надежды... Только не слишком ли он перетягивает струну?.. Ведь для Лебедянского в диссертации все — научная карьера, будущее, вся судьба... Ты знаешь, я иногда чувствую — еще капля, и он взорвется, взбунтуется, — он обернулся к Андрееву и уверенно предсказал: — Вот увидишь, он защитит диссертацию.

...Алешин идет по длиннейшему институтскому коридору. У входа в лабораторию сотрудник, собравшись группами, взволнованно обсуждают что-то, курят... Чнопка, увидев Алешина, издали бросается к нему навстречу. Округлив глаза, она восклицает:

— Вы слыхали?! Сенсационная новость! — И тут же, не дожидаясь ответа, пылко восклицает: — Вот это научная добросовестность! И не усмехайтесь, пожалуйста, моя слабость к нему тут совершенно ни при чем...

Они подходят к сотрудникам, в одной из групп звучит академический тенорок Блинова.

— Да, да, и я сам поддержал в дирекции эту прекрасную взыскательность молодого ученого!.. И потом, между нами... — тут он понизил голос и только для ближайших собеседников прискорбно и доверительно проговарял: — Вы знаете, сколько я сам вложил в эту работу, но ведь, честно говоря, сырьо, очень сырьо... — и снова взбодрился и воскликнул для более широких масс: — Но, товарищи, товарищи! Вы уже больше часа потеряли на разговоры... Работать, работать!

Он прошел среди расступившихся сотрудников, помахивая пухлыми ластами, и белые халаты неохотно потянулись в лабораторию.

Алешин, не постучав, приоткрывает дверь и тихо входит в кабинет Лебедянского. Тот сидит за столом, сжав голову руками, — даже не пошевелился. Алешин осторожно подошел, сел у стола, спросил негромко:

- Говорят, ты отказался от защиты?
- Что они со мной делают... — не отрывая

рук от лица, простонал Лебедянский. Долгая пауза. Алешин закуривает.

В дверь постучали.

— Да, — выпрямился Лебедянский.

Входит научный сотрудник, многозначительно, с двусмысленной улыбкой говорит:

— Товарищ Блинов просит прислать ему папку с материалами по элону... Поскольку диссертация откладывается, он хочет познакомиться... и, «быть может, помочь», как он выразился...

Лебедянский вскакивает, идет к сейфу. Научный сотрудник уже по-товарищески сочувственно прибавил:

— Что ты придумал, Дон-Кихот этакий?! Я-то ведь знаю, что диссертация у тебя в совершенном порядке, готова.

— Мне лучше знать, готова или не готова. — Лебедянский вытаскивает из сейфа голубую папку, возвращается с нею к столу.

— Он же тебя теперь...

Лебедянский резко обрывает товарища:

— Ладно, иди. Я пришлю.

Помешкав, переглянувшись выразительно с Алешиним, научный сотрудник сокрушенно качает головой и уходит.

Лебедянский с минуту сидит неподвижно, застыv над заветной папкой. Потом начинает судорожно перелистывать ее, выдирает и комкает листы с таблицами подсчетов, формул и графиков. Захлопывает и швыряет папку Алешину:

— На, отнеси этому...

Папка перелетает через стол и падает на пол. Алешин медленно наклоняется, подыма-

ет ее. Пристально смотрит на Лебедянского.

— Значит, все-таки испугался... — произносит он тихо, с печальной усмешкой.

Лебедянский вспыхивает.

— Замолчи! — Он смотрит на Алешина яростными глазами. — Уж тебе-то...

Звонок по телефону не дает ему закончить, он машинально кладет руку на трубку, но тут же, как от ожога, отдергивает ее. Долго в нерешительности смотрит на трубку. После коротких пауз снова настойчивые звонки.

— Возьми, послушай ты, — отрывисто бросает Лебедянский, вставая и обходя стол. — Если женский голос, скажи, что меня нет, — отбирает у Алешина папку, — и не будет сегодня.

Быстро направляется к выходу, но у двери приостанавливается, прислушиваясь. Алешин за это время снял трубку.

— Да?.. — даже на расстоянии слышен взволнованный молодой женский голос. — Нет, Лебедянского нет...

Лебедянский тотчас выходит и закрывает за собой дверь.

И снова в трубке измученный, умоляющий женский голос. Алешин прищуривается и неожиданно тоном сообщника советует:

— Знаете что... попробуйте позвонить минут через пять...

Он кладет трубку и опускается в кресло. Напряженно обдумывая что-то, ждет. Возвращается Лебедянский, Алешин встречает его с наигранной легкостью:

— Ну, знаешь, и темперамент у твоей приятельницы! А голос приятный.

Лебедянский не реагирует, занимает свое место за столом и, опустив голову, с минуту сидит молча.

— Ну вот и все... — глухо произносит он и тотчас же с кривой усмешкой наклоняется к нему. — Теперь, Алешин, мы с тобой совсем сравнялись... два дружка-поденщика известной фирмы...

Звонок телефона, он с мучительной гримасой снимает трубку:

— Кто еще там? Я слушаю... Ах, это все-таки вы... — окончательно изнемогая, он прислоняется затылком к спинке кресла, прикрывает глаза, мертвым голосом отвечает: — Да, я не хочу говорить... Да, я не хочу встречаться... — На лице Лебедянского кривая, злобная усмешка. — Ах, ты хочешь всю правду... Ну хорошо, я буду сегодня дома часам к восьми, если угодно, заходи. Да, к восьми...

Тускло освещенная лестница. Алешин остановился, взглянул на часы. Медленно подымается дальше. Лампочка горит только на верхней площадке. Пролеты лестницы и промежуточная площадка погружены в тень. Внезапно, резко, со стуком распахивается одна из дверей наверху. Возникшая в ней женская фигура захлопывает за собою дверь и, как бы в изнеможении прислонившись к ней, застывает так на секунду. Алешин едва успевает отпрянуть к стене, в тень. Впрочем, она не видит его. Свет близкой лампочки четко выяснили тонкую фигуру в темном платье и бледное лицо очень молодой девушки. Сейчас, кажется, она ничего не видит. Проводит рукой по

лицу и тотчас же бросается вниз по лестнице. Проносится мимо Алешина так близко, что прямо перед ним на мгновение возникает и запоминается полное крайнего отчаяния и даже ужас ее заплаканное лицо. Каблучки стучат по ступенькам уже где-то внизу, когда, оправившись от неожиданности, Алешин заглядывает через перила и бежит за нею. У выхода сталкивается с кем-то. Оба отступают — перед ним захваченный врасплох Сиротин. Впрочем, он тут же распахивает объятия:

— Сашка, ты?! Откуда взялся? — разыгрывает он удивление. — А я прохожу мимо...

Но Алешин, отстраняя его, озирается.

— Погоди, ты не видел?..

— Да нет же, говорю, случайно прохожу...

Улица в тумане. Мутно желтеют фонари, а девушки и след простыл.

— Э-э, дурак! Путается тут... — бросает Алешин с досадой и снова скрывается в подъезде. Сиротин со злой гримасой бормочет вслед:

— Не нравится?..

Алешин подымается на освещенную площадку и останавливается у двери, нажимает звонок. Приходится подождать, потом раздаются шаги, дверь открывается — на пороге Лебедянский. Встречает Алешина он странно. Он, видимо, сильно выпил. Ожидая увидеть за дверью кого-то другого, Лебедянский молча уставился на Алешина тяжелым воспаленным взглядом.

— Здоров! — весело здоровается Алешин. — К тебе можно?

Лебедянский еще секунду меряет его

взглядом, потом, не говоря ни слова, поворачивается и уходит в свою комнату. Алешин закрывает дверь, раздевается и идет за ним. Когда он заходит в комнату, Лебедянский уже сидит у письменного стола, сжимая только что опорожненный стакан и по-прежнему мрачно игнорируя Алешина. На столе почти пустая бутылка конька. Алешин прошелся по комнате и, желая переломить настроение, а быть может, и прощупать обстоятельства, оживленно воскликнул:

— Слушай! Сейчас из твоей двери выпорхнула мне навстречу очень милая девочка... Уж не она ли это звонила?

Лебедянский подымает на него тяжелый ненавидящий взгляд и выговаривает глухо, с тихой угрозой:

— А ты все вынюхиваешь... Сабодажник... — и вдруг в припадке дикой ярости шваркнул стакан об пол. — Хватит! — выкрикнул он, задыхаясь. — Больше не могу... Я убью тебя! — он хватает со стола тяжелое пресс-палье, бросается на Алешина. Тот успевает перехватить его руку и ловким приемом джиуджитсу выкручивает ее, пресс-палье с грохотом падает на пол. Лебедянский делает бешеное усилие вырваться, но Алешин быстро и аккуратно справляется с ним...

— Ну, убей... — выдыхает Лебедянский. — Я давно жду... Убивай, гадина, ты для того ко мне приставлен.

Алешин швыряет его на тахту. Сорвав с нее гобеленовое покрывало, накрепко увязывает в него Лебедянского и, тяжело переводя дыхание, выпрямляется над ним.

— Проспись, химик,— с презрительной досадой бросает он. Неторопливо приводит себя в порядок.

Обессиленный, странно притихший и будто отрезвевший, Лебедянский молча смотрит на него, когда Алешин уходит...

Уже спускаясь по лестнице, Алешин увидел мать Анатолия. Маленькая старуха, робко поглядывая наверх, остановилась на промежуточной площадке — то ли передохнуть, то ли не решаясь входить в квартиру. Увидев Алешина, она обрадованно заулыбалась.

— Саша!

А он по-настоящему смущился и огорчился, словно именно ее, беспомощную и жалкую, он готовился обидеть.

— Здравствуйте, Евдокия Федоровна,— и поторопился предупредить виновато: — Вы только не пугайтесь...

Улыбка мигом слетела с ее лица.

— Что?! — испуганно вскрикнула она. — Что-нибудь с Толиком?..

— Да нет, нет... Толя выпил, немножко боялся... Ну... я его «запеленал», так сказать, и уложил, пусть проспится. Ничего страшного!

Старуха беззвучно заплакала.

— Саша, милый, что с ним?! Этого же никогда с ним не бывало...

Встревоженная, она стала поспешно подыматься, и Алешин, поддерживая ее, должен был последовать за нею.

— Ну, вы же знаете, с Блиновым он нервничает,— попытался он успокоить ее.— Теперь вот — диссертация задерживается... Ни-

чего, Евдокия Федоровна, ничего, все еще утрясется,— воскликнул он, подводя ее к двери, но старуха, вытаскивая из сумочки ключ, приблизилась к нему и, понизив голос, сказала:

— Нет, нет, что-то у него еще, что-то тяжелое... И посетители странные... — испуганным шепотом начала было она и тут же смолкла, устремив на него простодушно-беспомощные глазки. И чтобы, видимо, загладить неосторожную откровенность, отперла дверь и, обернувшись, продолжила: — Сегодня девушка к нему пришла... Она и раньше заходила, хорошая, ласковая, я уже радовалась, а потом перестала ходить. Я спросила как-то, но Толик ужасно рассердился... Спасибо, дружок, заходите! — прощается старуха. Переступив порог, она робко оглянулась и, придержав дверь, прибавила тихонько: — Он и сегодня как-то нервно ее встретил. Я уж ушла, чтобы не мешать... — Она жалко улыбнулась и осторожно закрыла дверь.

— Н-да-а... Нехорошо обернулось,— покачал головой Андреев за рулем, выслушав рассказ Алешина об этих событиях. Как обычно, они встретились в машине мнимого такси.— Но, Лебедянский, судя по всему, крепко поверил, что ты работаешь на Сабодажа? — переспросил Андреев.

— То-то и оно,— неопределенно вздохнул Алешин, закуривая сигарету. Затянулся несколько раз и, глядя на мелькающую за окном улицу, сказал негромко: — Боюсь, что все как раз наоборот... Кажется, не я, а он меня раньше разоблачил.

— То есть как?! — тревожно обернулся от руля Андреев.

— А вот слушай... Я, конечно, беспокоился, как будет дальше, но Лебедянский на другой день в институте встретил меня так, будто абсолютно ничего не случилось, — спокойный, дружелюбный, как всегда, вечером даже в кафе завернули... И вот, когда возвращались оттуда...

...На экране возникает безлюдная ночной улица. Лебедянский и Алешин, весело на свистывая, шагают по мостовой, громко смеются иногда. И голос Алешина за кадром продолжает:

— Ну, подвыпили немножко, трепались, как обычно. Там по дороге есть общежитие педтехникума...

Лебедянский внезапно останавливается, смотрит куда-то вверх. Вопросительно приостанавливается и Алешин. Перед ними освещенные окна одного из этажей общежития. Контражуром мелькают фигуры девушек, готовящихся ко сну.

— Коллективный стриптиз, — иронически замечает Лебедянский. Покосился на Алешина. — Хотел бы иметь сейчас шапку-невидимку, чтобы проникнуть туда?

Алешин хмыкнул, отходя:

— Я не созерцатель.

— Ах, ты деятель! —sarкастически подхватил Лебедянский; засмеялись и снова шагают вперед. — Впрочем, теперь и на шапку-невидимку есть управа, — продолжает шутливо фантазировать Лебедянский. — Достаточно,

скажем, ревнивой супруге пометить своего благоверного изотопами, и счетчик радиоактивности безошибочно обнаружит любимого, даже если он, хитрюга, совсем неуловим...

Алешин резко обернулся к нему — на минуту он потерял контроль над выражением своего лица... И Лебедянский, со странной усмешкой глядя на него в упор, спросил:

— Что? Хороша идея?..

...На экране — снова Алешин и Андреев в такси. И Алешин взволнованно говорит ему:

— Понимаешь?.. В это время меня действительно как молния осенила мысль — изотопы! Вот что нам нужно, чтобы добраться до неуловимого Рубцова.

— Ты что же думаешь?.. — произнес пораженный Андреев. — Что он сам, сознательно тебе подсказал?! Да нет, просто совпадение.

— Погоди, ты слушай дальше... — лихорадочно продолжает рассказывать Алешин. — На другой день я зашел к нему в кабинет — пришли заграничные журналы...

...По обе стороны рабочего стола в свободных позах расположились Алешин и Лебедянский. На стуле, прижимающем дверцы шкафа, — электрическая плитка, на которой сейчас кипятится кофе. Алешин просматривает заграничный журнал. Лебедянский, прихлебывая из чашечки кофе, быстро чиркает что-то на обрывке бумаги. Вдруг поднял голову и сказал:

— Пожалуйста!.. Помнишь, я трепался вчера о шапке-невидимке?.. Вот — я набросал

рецептик... Достаточно капнуть несколько капель, и счетчик радиоактивности даже на расстоянии обнаружит меченный предмет, не скроется. Он откинул вытянутую руку, будто бы с зажатым в ней счетчиком и шутливо изобразил: — Тук-тук, тук-тук, тук-тук... — засмеялся, скомкал бумажку и бросил на пол, подымаясь из-за стола.— Я зайду к Блиннову.

И, не оглядываясь, вышел из кабинета.

Алешин с минуту сидит неподвижно, смотрит на скомканную бумажку на полу. Потом, оглянувшись на дверь, быстро подымает бумажку, расправляет на столе, торопливо спицывает рецепт, снова, скомкав, бросает на пол и с облегчением откидывается на спинку стула...

...С тем же выражением облегчения, но уже в такси Алешин смотрит на Андреева, и тот тревожно ему отвечает:

— Да, знаешь... это, конечно, явная подсказка... Он, кажется, действительно раскусил тебя.

— И все-таки я бы рискнул! — упрямо восклицает Алешин.— Это единственный способ разоблачить Рубцова... убеди Николаева! Вот рецепт... Мне не трудно будет пометить очередную партию порошка-катализатора перед отправкой к нему на комбинат, а дальше — проследить, что они делают с этим порошком,— это уж вопрос техники.

Лесная чаща, через которую сквозит озеро. В кустах стоят две машины, одна из них — такси. На берегу озера вокруг разостланной

газеты с закуской расположилась на песочке компания горожан, выехавших на лоно природы. Это Николаев, Шондыш, Андреев и даже Алешин, ради встречи с которым затеян этот пикник. Андреев и Алешин раздеты, в трусах. Николаев тоже не без удовольствия разоблачился до пояса. Шондыш не в таком настроении, чтобы принимать участие в этой игре, он возбужден спором, раздраженно доказывает:

— Это явная провокация. Алешин сам признает, что Лебедянский его раскусил. Теперь играет с ним, как кошка с мышью.

— Зачем? — спрашивает коротко Николаев.

— Допустим, Алешин пометит порошок — Лебедянский тут же со счетчиком в руках убедится, что мы клюнули, что Алешин действительно горе-сыщик. Они немедленно свернут свои махинации — мы и концов не найдем.

— Убедительно,— кивнул головой Николаев.

— Нет! — замотал головой Алешин и заговорил лихорадочно, сбивчиво: — Я понимаю, что факты, логика как будто против меня. И я не знаю, как вам доказать... Но в жизни все гораздо сложнее... Я знаю его почти как себя, и я вижу, как он мечется, ищет выхода... Даже то, что подсказал он так откровенно,— для меня доказательство, что он не обманет. Он словно руку нам протянул...

— Поздравляю,— вскипает Шондыш.— Работник ОБХСС рука об руку с преступником...

— А почему же нет? — воскликнул Алешин. — Если я убедился, что в нем еще можно спасти человека, и нужного человека...

— Адвокатское слюнтяйство... — огрызнулся Шондыш. — Этим займется суд. А настоящий сыщик по натуре — охотник! Он весь устремлен к одному: высledить и затравить зверя, не дать ему выкрутиться!

— Так это же натура не охотника, а охотничьей собаки,— с тихим негодованием произнес Алешин.

— Ну, хватит, — оборвал его Николаев. — Марш в воду... — крикнул он сердито.

Алешин повернулся и медленно поплелся к озеру. Внезапно разбежался, в воздухе взвились его длинные ноги, и он вниз головой вонзился в воду. Вынырнул он далеко и стремительно поплыл вперед. Николаев и Шондыш невольно следят за ним глазами. Бледный и злой Шондыш сказал:

— Парень-то ничего, добрый, весь мир хочет перевернуть, но потом это пройдет.

— Пройдет, говоришь? — произнес Николаев с огорчением. — Вот тогда и на пенсию пора. Что вы предлагаете?

— Немедленно изъять Алешина из института.

— А дальше?

— Немедленно брать... Лебедянского, Сабодажа и всю компанию, пока не замели следы.

— А что мы предъявим суду? Или будем выжимать признания?.. А Рубцов? На него и вовсе — ничего, законный договор. А ведь в Рубцове-то все дело...

Долго и хмуро думает, наконец говорит:

— Решим так: Алешина из института убрать... — прищурился и добавил не без лукавства: — Только сперва порошок этот он пускай все-таки пометит.

Шондыш с видом оскорбленной невинности встает:

— Я возражаю, Николай Иванович. Я не хочу отвечать за эту авантюру. Я подам рапорт.

Николаев подымает на него взгляд, но словно бы ничего не слышит — некоторое время смотрит сквозь него, погруженный в какие-то свои расчеты. Тряхнул головой.

— Рискнем!

Институт. Лебедянский появляется в дверях своей выгородки. Оглядев лабораторию, недовольно спрашивает:

— Что... Алешина и сегодня нет на работе?

Оживленно откликнулась Кнопка:

— Он бюллетенит, Анатолий Борисович... позвонил, что у него грипп, высокая температура.

Лебедянский, помедлив секунду, молча возвращается к себе.

В глубокой задумчивости он медленно проходит через кабинет к столу. Машинально убирает с дороги подвернувшийся стул, дверцы книжного шкафа с тихим скрипом медленно раскрываются. На этот раз Лебедянский только покосился, сел за стол и, продолжая напряженно обдумывать что-то, угрюмо уставился взглядом в раскрытое, захламленное и пыльное нутро шкафа.

В дверь постучали. Лебедянский повернул голову.

— Войдите.

Входит экспедитор с небольшим тюком в руках.

— Анатолий Борисович, порошок для рижского комбината... Можно отправлять?!

Лебедянский остановился взглядом на его ноше.

— Сделай одолжение, Костя,— сказал он наконец,— отложи на минуту тючок и найди мне Марфу Ивановну.

Экспедитор опускает тюк на стул у двери и выходит. С той же сосредоточенностью, не отрывая взгляда от тючка, Лебедянский приоткрывает ящик стола и вытаскивает похожий на портсигар счетчик радиоактивности «Пионер». Нажимает кнопку. Вспыхивает рубиновая лампочка в стенке счетчика, счетчик начинает мерно выступать... Медленная усмешка наползает на губы Лебедянского. Потом он сует счетчик в стол и задвигает ящик. Снова в хмурой задумчивости встает и отходит к окну.

Возвращается экспедитор.

— Марфа Ивановна сейчас придет,— сообщает он и, не дождавшись ответа, добавляет: — Так как, Анатолий Борисович, с порошком-то?

— Отправляйте,— бросает, не оборачиваясь, Лебедянский.

Экспедитор уносит тючок. Почти тотчас же Лебедянский быстро, будто что-то решив, идет от окна, снимает с вешалки плащ, одевается.

Входит старуха уборщица.

— Ты меня звал, Анатоль Борисыч?

Лебедянский на минуту возвращается к книжному шкафу, приговаривая:

— Да, да, Марфа Ивановна... Надо вызвать слесаря и починить замок. И вообще, Марфа Ивановна. Давайте-ка очистим этот шкаф от всяческой скверны.— Он шевельнул ногой рулоны, они посыпались на пол, поднимая тучу пыли, и Лебедянский, отступая, заканчивает решительно: — Все это выбросить к черту... Почистить, помыть и поставить полки на место...

...А тем временем спор с Шондышем уже получил свой дальнейший ход. Приемная вышестоящего начальника. Николаев сидит с папкой на коленях, на болезненном лице его выражение брезгливой усталости и иронии. Он подымает взгляд на Алешина, стоящего рядом, и негромко произносит:

— Только, пожалуйста, спокойно, не пыхти.

Алешин нетерпеливо кусает губы и бросает взгляды исподлобья на Шондыша, который с независимым видом прогуливается в противоположном конце приемной. Вышедший из кабинета секретарь приглашает:

— Заходите.

Николаев встает и входит первым. Алешин, уступая дорогу старшему, приостанавливается и оглядывается на Шондыша, но тот, воинственно подтянувшись, не трогается с места, подчеркнуто отмежевываясь от своих оппонентов.

Алешин входит, и только тогда, установив дистанцию, Шондыш одергивает мундир и четким шагом входит в высокую дверь. За нею красная дорожка намечает перспективу большого кабинета. Где-то там, в глубине,— капитальный письменный стол, а за ним внушительно-выжидательная фигура высокого начальника. Вся обстановка дает почувствовать, что здесь не до шуток, и как раз в эту минуту массивная, красного дерева дверь за ними закрывается...

У знакомого фасада ведомственного здания, где помещается ОБХСС, ожидает Алешина журналистка. Это Антонина, Тоня. И по тому, как мерно шагает она по тротуару, помахивая большим портфелем, как по временам бросает она нетерпеливые взгляды на подъезд, ясно — ждет она уже давно и упорно...

Наконец Алешин появляется. Довольно унылая фигура человека, погруженного в невеселые размышления. Тоня бросается к нему:

— Ну как?

Алешин вскидывает голову и от неожиданности узнает не сразу.

— Ах это вы?.. Здравствуйте.

— Ну говорите же... — нетерпеливо, чисто по-женски торопит она.— Я все знаю, мне рассказал Андреев... как решилось?

Алешин опустил голову и сказал уныло:

— Вероятно, меня уволят.

— Да? — упавшим голосом произнесла Тоня и, помолчав, поглядела нерешительно.— Но ведь вы, кажется, мечтали об этом?

— Но не теперь же, когда я прав! — горячо воскликнул Алешин.— Когда от этого зависит судьба человека!

— Так в чем же дело? — пылко подхватывает прежняя Тоня.— Значит, надо бороться.— А новая тут же прикоснулась ласково.— Не огорчайтесь... Я сделаю все. Мы подымем на ноги печать, общественное мнение...

Алешин вдруг приостановился и поглядел на нее в сомнении.

— А если Лебедянский все-таки не придет?..

И, почерпнув в минутной его слабости новый прилив энергии, она решительно берет его под руку.

— Идемте... Надо всесторонне и трезво обсудить положение.

И они удаляются...

...Комната Алешина за время долгого отсутствия хозяина пришла в полное запустение, а посреди комнаты... в крепком объятии замерли Алешин и Тоня. В его сильных руках она вытянулась на носки, левая ее рука обнимает его за шею, а в опущенной правой она еще держит веник. Потом пальцы разжимаются, и веник падает к ногам, на пол. Поцелуй этот длится довольно долго, наконец он отпускает ее. Пряча лицо, она скользит щекой по его груди, опускается, подымает веник...

— Тоня! — вздыхает он.

Но нет, просто немыслимо сейчас взглянуть на него, и она скрывается в глубину комнаты и останавливается спиной к нему у окна. В блаженной расслабленности Алешин

опускается на диван, но тут же, привстав, вытаскивает из-под себя и отодвигает ее объемистый жесткий портфель.

И воцаряется пауза, такая глубокая, что просто не знаешь, как они вернутся к реальности. Но они возвращаются.

— Знаете... — говорит она задумчиво, не оборачиваясь. — У меня просто из головы не выходит ваш рассказ об Инке-эстонке... О ее погубленной любви...

Она резко повернулась к нему, и тут каким-то образом совпали, соединились прежняя и новая Тоня с живым, пылающим лицом и сияющими глазами:

— Нет, с этим нельзя примириться! — восклицает она. — Что-то надо сделать, надо вырвать ее у них! Правда?

И теперь, когда Тоня думает и говорит о другой, к ней вернулась обычная храбрость.

— Вы знаете ее адрес? — спрашивает она решительно.

— Нет, — покачал головой Алешин и обнял ее за плечи. — Меня так неожиданно сорвали из института, что к Сиротину я уже не вернулся...

— Ничего! — Тоня крепко сжала и встряхнула его руку. — Обещаю вам, мы обязательно найдем ее...

Звонок телефона. Алешин снимает трубку.

— Слушаю... Я, Николай Иванович... Нет, не унываю, креплюсь... Что? Правда? О-ох!!! Бегу! — Он положил трубку и с лицом скорее растерянным, чем счастливым, произнес: — Тоня... Лебедянский только что пришел в ОБХСС, понимаешь, сам пришел...

Это он крикнул, уже хватая пиджак и натягивая его на бегу...

...Алешин вошел в кабинет Николаева и сразу увидел Лебедянского. Тот сидел у письменного стола перед Николаевым. На стук двери он обернулся, встретился глазами с Алешиным и в замешательстве низко опустил голову.

— Ага, заходи, мы тебя ждем, — встретил его Николаев. — Ну вот... — он крепко пожал руку Алешина. — И деньги вот все принес, — передвинул на столе несколько пачек, почти все с неразорванными бандеролями. — Оказывается, таки не решился потратить ни копейки... Присаживайся.

Потом он перевел взгляд на Лебедянского и спросил с усмешкой:

— Удивлены?

Тот медленно поднял голову и ответил негромко:

— Не очень.

— Понятно... А давно его раскусили?

— Нет, только на днях.

— А как? Интересно все-таки.

Лебедянский снова опустил голову, помедлил, потом ответил странно:

— Он не был в лицо.

— Как? Как?!

— Выпил я однажды, ну... стычка у нас была.

— Знаю, — кивнул Николаев. — Подались.

— Очень уж деликатно он со мной обо-

шелся, лицо щадил. Тут и мелькнула у меня догадка.— Потом быстро спросил: — Я только одного до сих пор не понимаю... Ведь Сабодаж лично устраивал его в институт...

Николаев берет со стола и раскрывает папочку. К первой странице отчета прикреплены два старых билета в кинотеатр. Николаев, расправляя папку ладонью, усмехнулся:

— Вот с этих билетиков все и началось...

Наплыv.

...Рассказ Алешина уже закончился, и он по-прежнему скромно сидит в сторонке, а Николаев, заполняя допросный лист, попутно переспрашивает Лебедянского:

— Значит, убедившись, что порошок Алешиным помечен, вы все-таки отослали его Рубцову?

— Да, отослал... Я ведь этого и хотел.

Николаев дописал, передает ему через стол допросный лист.

— Подпишите,— и подымается из-за стола.— Нет, нет, сперва прочтите внимательно. А я пока покину вас ненадолго.

Выходит из кабинета. Пауза напряженной неловкости. Чтобы скрыть ее, Лебедянский углубился в чтение протокола. Потом все-таки обернулся и взглянул на Алешина. Тот сидит, склонясь, опираясь локтями о колени, и смотрит на него. Они встретились глазами.

— Я рад, что у тебя хватило мужества,— серьезно и тихо сказал Алешин.— Я верил, что ты придешь.

Лебедянский промолчал, ответил слабой улыбкой и вернулся к чтению. Впрочем, скоро перестал, быстро пробежал глазами и под-

писал. Тогда Алешин встал и, пройдя по кабинету, спросил осторожно, выбирая слова:

— Послушай... Ты не можешь мне теперь сказать?.. Только это совсем не обязательно... В тот вечер, когда мы с тобой поцапались, что за девушка выбежала от тебя мне навстречу?

Лебедянский как-то испуганно вскинул на него лицо и тотчас торопливо заговорил:

— Нет-нет, поверь мне, она совершенно никакого отношения не имеет к этому делу. Ну, совершенно никакого...

— Нет так нет,— отходя от него, тотчас согласился Алешин.— Извини.

Лебедянский сидит, опустив голову. Вдруг тихо произносит:

— Это была дочь Рубцова.

— Что-о?! — Алешин круто поворачивается к нему, пораженный.

И взволнованный Лебедянский, лихорадочно бросая и обрывая фразы, снова убеждает:

— Понимаешь, это очень личное, я не хотел... но я тебе правду сказал — она совершенно тут ни при чем... Ты, может быть, не веришь, что его дочь... Ах, если бы раньше понял, до чего же она ничего, абсолютно ничего не знала... — с какой-то даже тоской воскликнул Лебедянский и смолк, терзая пальцами кожу на лбу. Напряженный, неподвижный взгляд его словно всматривается в прошлое...

— Познакомились мы нечаянно... — начинает рассказывать он.— В ресторане, куда меня пригласил Рубцов после выставки...

Еще на этих словах глухо, будто где-то далеко, далеко, начинает звучать оркестр, а потом на экране возникают в медленном танце

фигуры Лебедянского и молодой девушки с очень милым лицом. Голос Лебедянского за кадром продолжает:

— ...Она зашла попрощаться с отцом, занесла ключи от номера.

Буквально эти слова мы уже слышали в рассказе Кнопки. Да вот и они сидят за ресторанным столиком в глубине кадра: огорченная Кнопка ревнивым взглядом следит за танцующей парой, и Рубцов рядом задумчиво ковыряет вилкой в тарелке — и мы вспоминаем, что все это мы уже видели однажды, только сейчас мы видим эту сцену уже глазами Лебедянского. Он ведет девушку в медленном танце. Они то приближаются к нам, то уходят. Светлая доверчивая улыбка освещает лицо девушки. Они танцуют и разговаривают. Вот обрывки этого разговора:

— Нет, я не уезжаю с отцом, — сдержанно улыбнулась девушка.

— О-о, когда-нибудь вы будете знаменитой!

— Ах, нет, что вы! — искренне призналась она. — Я еще не встречала ученых, я думаю — это интересные и глубокие люди.

— А вам не захочется заглянуть в эти глубины? — спросил он лукаво, и она засмеялась несмело, но все-таки принимая вызов.

— Каюсь, в концерты я не ходок, немедленно засыпаю, — говорит Лебедянский.

— Ну что ж, мы можем пойти в кино.

— Но как я найду вас?

— Очень просто, я дам вам свой телефон.

— А знаете, Юлия, вы ужасно милый парнишка, — воскликнул он ласково.

— Рубцов до самого конца так и не знал, что мы встречались.

...На экране снова кабинет ОВХСС. Лебедянский на минуту замолк, погруженный в воспоминания. Алешин также серьезно, сосредоточенно слушает. Вдруг протянул ему фотографию и спросил:

— Это она?

Лебедянский взял, взглянул и тотчас положил на стол.

— Да.

— А ты знаешь, что с нею случилось? — после короткой паузы тихо спросил Алешин. И Лебедянский с тем же неподвижным лицом, глядя куда-то в сторону, ответил:

— Да.

— Откуда?

— Я заходил к ней потом, и квартирная хозяйка все рассказала.

Лебедянский снова берет со стола фотографию и, задумчиво всматриваясь, подносит ее к глазам. Портрет девушки, приближаясь, заполняет собою весь экран — неподвижное, серьезное и, кажется теперь, печальное лицо... она вдруг оживает, вернее, за ним пропадает в воспоминании Лебедянского то же лицо, но живое, одухотворенное чувством, с сияющими глазами... И за этими кадрами его глухой голос:

— Нет, я не любил ее... Может быть, из этого и выросло бы что-то, но чем больше я запутывался в этой истории с ее отцом, тем невыносимее становились наши встречи, и я оборвал...

На экране погасло это короткое воспоминание. Лебедянский опустил фотографию и продолжает рассказывать:

— А Юлия ничего не понимала... мучилась, хотела, чтобы я объяснил ей...

— Это я с ней говорил по телефону тогда? — вспомнил Алешин.

— Да, — кивнул Лебедянский. — Ты понимаешь, в каком состоянии я сам был в тот день, да перед ее приходом я еще выпил для храбрости... Когда она пришла, я уже не рассуждал и не жалел ее...

...На экране возникает угол комнаты Лебедянского. На первом плане у левого края кадра — его темный затылок и сгорбленная спина. А перед ним, на тахте, с широко открытыми глазами слушает Юлия...

Голос за кадром:

— Я рассказал ей все: про ее отца, про Сабодажа, про себя...

И тут Юлия заговорила, и мы слышим ее лихорадочный, умоляющий взгляд:

— Но ведь ты ничего этого не знал, скажи, не знал! Они обманули тебя, правда?

Темная спина склоняется ниже, и слышен ответ Лебедянского. Голос негромкий, низкий, глухой, страшный своею монотонностью:

— Ах вот ты как предлагаешь... Отца, знаешь... А меня все-таки вытащить... и умыть? Гм. Благодарю... Только я не хочу. Ни любви, ни омовения — тошно...

Слова падают, как удары, и медленно, словно в беспамятстве, подымается с тахты Юлия.

— Подожди, ты же всю правду хотела? Так вот, сперва врал себе... конечно, наивничал... А в глубине души с самого начала понимал... Когда с тобой танцевал, уже понимал. Вот только не ожидал, что с такой скотиной, как Сабодаж, мараться придется. Папенька твой это изящнее проделывал... Ну вот и корчился, и трусил... — в страшной тоске, почти простонал он и тут же с беспощадной трезвостью хмыкнул: — А деньги все-таки брали...

Неописуемым смятением, ужасом, отвращениям охвачено лицо девушки. Сухой, лихорадочный взгляд впился в Лебедянского, дрожащие губы кривятся, силясь сказать что-то... Наконец она произнесла с трудом:

— Если вы лжете — это подло... но если это правда... — Слезы вдруг покатились по ее помертвевшим щекам. Она круто отвернулась и выбежала из комнаты...

...На экране Алешин, слушающий рассказ Лебедянского, и сразу же на лице Алешина наплывает то, что вспоминает теперь уже он.

...Полутемная лестница. На освещенной верхней площадке распахивается одна из дверей. Выбежавшая из нее девушка в изнеможении прислонилась на минуту к двери и сразу же бросается вниз по лестнице. Она проносится мимо так близко, что перед нами на мгновение все ее охваченное отчаянием заплаканное лицо... И на экране снова проступает лицо Алешина, взволнованного этим воспоминанием.

Лебедянский измучен разговором, говорит тихо, с трудом:

— Хозяйка рассказывает, что она в тот же вечер уехала в Ригу к отцу. Был у них там разговор. Вероятно, надеялась, что он... Впрочем, не знаю, на что она надеялась... Разве я думал, что она до такой степени ничего не знала об отце... Ужасно! — Он закрыл ладонью глаза.

Алешин помолчал, чтобы дать ему успокоиться, потом сказал, утешая:

— Вообще говоря, еще неизвестно, как это произошло... Автоинспекция считает, что несчастный случай... Шел дождь, шоссе было мокрое, а руки все-таки женские. Вот посмотрите, как идут следы шин... — Он передает Лебедянскому несколько фотографий.

Лебедянский долго всматривается в одну, потом подымает к глазам вторую... Приближаясь, она постепенно заполняет собой весь экран: перед нами пустынные, серые от дождя поля. Уходящее к горизонту бесконечное мокрое шоссе, и на первом плане фотографии, справа — обломки разбитой машины.

— Ну, а что было у нее на душе, — таких фотографий нет, — горько звучит голос Алешина за кадром.

Есть открытый драматизм и странная магия неподвижности в фотографии, вмонтированной в течение фильма, и полны глубокой тоски эти поля, и пустынное, уходящее в бесконечную даль шоссе, и обломки, которые все еще стоят перед глазами... И голос Алешина после большой паузы произносит за кадром:

— Разбилась она ужасно... Изуродована так, что хоронили ее в закрытом гробу...

И вот наконец начинается операция. Подспудно, незаметно пока...

Обычные будни у фабричных ворот под вывеской «Рижский промкомбинат». Рядом, как водится, проходная. Из ворот изредка выползают груженые машины. Мимо проходит автострада, по которой идет нормальное движение, и поэтому не привлекает внимания небольшая машина у шоссе, невдалеке от ворот.

Это пикап «Техпомощь», шофер влез в мотор, только ноги торчат. А вот в кабине — наш старый знакомый, Андреев. С ним еще несколько человек, у одного из них плоский прибор «Спутник» — счетчик радиоактивности.

Ждут, видимо, давно: томятся, курят, один даже задремал.

Но вот — ворота еще даже закрыты — ленивый щелчок... еще горсть щелчков, счетчик просыпается... Вскидывается и задремавший оперативник, все замирают в ожидании.

Охранник открывает ворота, медленно выезжает автофургон. Он движется мимо пикапа, и счетчик провожает его барабанной дробью.

Влетает в кабину шофер. Рука. Кнопка — хрустнула ридостанция. Голос Андреева, слова летят в эфир:

— Я «Рубин», я «Рубин». Всем, всем, всем. Показался «Волк» — автофургон 22-11, автофургон 22-11. Счетчик работает, счетчик

работает. Беру под наблюдение, беру под наблюдение...

Автофургон выезжает на шоссе, и пикап ринулся за ним... Впрочем, это, собственно, и все, кинематографической погони не будет. Мы даже больше не видим преследователей, просто катит по шоссе или петляет по узким рижским улочкам автофургон... И все-таки мы чувствуем их незримое присутствие: и в стуке счетчика, который то затихает и пропадает совсем, то снова нарастает; и в радиоперекличке разных голосов и позывных уже не одной, а несколько машин милиции.

— Я «Рубин», я «Рубин». Вызываю «Алмаз», вызываю «Алмаз». «Волк» направляется к вам. Будьте осторожны, проверяется.

— Я «Алмаз», я «Алмаз». Вас понял... Вижу «Волка», счетчик работает, счетчик работает, следую за ним.

Пригород Риги. Домики под черепицей. Сосны. Валуны. Автофургон резко сворачивает, подпрыгивая и вихляя, едет по грунтовой проросшей дороге и, наконец, — заброшенная усадьба из низких строений, ржавая вывеска: «Фабрика металлических изделий». Во дворе, куда въезжает фургон, поломанные кровати и прочий железный ширпотреб. Запустение, бесхозяйственность. Какие-то люди быстро разгружают фургон. Шофер выбрасывает легкие мягкие тюки. Их ловят, уносят. Возвращаются...

А в звуковом сопровождении вдруг вместо замолкнувшего счетчика возникает стрекотание кинокамеры, и голоса в эфире продолжают перекличку.

— «Орел!» «Орел!» Я «Амаз», я «Алмаз». Берлога обнаружена. Заснял выгрузку. Жду указаний.

И знакомый голос Шондыша командует:

— Я «Орел». Я «Орел». Я «Орел». Начните операцию. «Рубин» и «Топаз» направляю к вам.

Рокот мотора за воротами. Во двор влетает машина с оперативниками в штатском. Разгрузка прерывается — все застывают на месте. И тотчас с внешней стороны ко двору стремительно подкатывает мотоцикл и еще машина — пикап, из которой высыпают новые, во главе с Андреевым...

На облупленной двери приземистого каменного сарая железная дощечка с надписью «Кузнецкий цск». Дверь от толчка распахивается... Вместо тяжких ударов молота — какой-то частый металлический стук. Теснота, пыль, все так заняты, что никто не замечает вбежавших оперативников. Впрочем, сразу же шум перекрывает усиленный мегафоном голос Андреева:

— Работу прекратить! Остаться всем на местах!

Внезапная тишина. И сразу вспыхивают близы, застремкотал киноаппарат.

Тесно поставленные некрашеные столы под низко подвешенными электрическими лампочками, представляют собой своеобразный кустарный конвейер: здесь валяются рулоны эластичного радужного элона, закройщики размечают выкройки мелом, портные трудятся у швейных машинок. И, наконец, манекены, на которых красуются образцы готов-

вых плащей... И тут же в уголке, рядом со штабелями готовой продукции, над чем-то корпят человек с акварельной кисточкой...

Сейчас от грозного оклика все остановились, растерянно обернулись люди — все больше пожилые, потерты жизнью, старые волки портняжного дела, — обернулись и замерли от неожиданности и страха...

...Да так и остались в мертвой неподвижности фотографии. Эта фотография сменилась другой, третьей. Чьи-то толстые пальцы перебирают фотографии. Разглядывает их не кто иной, как сам Рубцов. При этом он так непринужденно и сановито откинулся, прилег локтем на край письменного стола, что, только увидев по другую сторону стола полковника Николаева, мы начинаем понимать, что Рубцов в ОБХСС на допросе.

Рубцов с неподдельным интересом рассматривает фотографии, покачивает головой, приговаривает:

— Вы подумайте... Да ведь тут у них цепкий подпольный цех, а? С размахом работали!.. И представьте, на производстве у нас эта публика звезд с неба не хватала, а тут, поди ж ты... Что значит материальная заинтересованность!

— А вот фабричные марки, и уж, конечно, самые заграничные, — передавая ему, усмехнулся Николаев. — А вот и художник, который их стряпал.

Перед Рубцовым — фотография, на ней художник испуганно обернулся, да так и застыл с кисточкой в руке. Потом ее сменил

яркий ярлык, имитирующий марку заграничной фирмы. И Рубцов уже потешается:

— Ха! Натурально — Париж... А что ж, учитывают покупателя, шельмецы. В комиссионном на такой ярлык как мотыльки летят, — и, отложив фотографии, склоняется к Николаеву и уже серьезно и озабоченно, как руководитель руководителю, говорит: — Нет, все-таки надо прямо сказать... Пережитки, конечно, само собой... но нет еще у нас гибкости, умения быстро откликнуться на спрос, вот это и порождает... — Начинает казаться, что он просто издевается, когда со странной усмешкой, понижая голос, продолжает страстью: — А ведь тут жила золотая! Для делового человека это же... Допустим, увидели вы античную вазу в грязи, как же не извлечь, не очистить красоту такую, а мы... — безнадежно махнул рукой и сокрушенно вздохнул Рубцов.

Николаев невозмутимо слушает, потом скучно сказал:

— Ну что ж, Рубцов, не будем, я думаю, нервы друг другу трепать и время терять... Вы видите — нам все известно, отрицать что-нибудь глупо, надо признаваться.

И как ни опытен он был, но и у него удивленно поднимаются брови, когда Рубцов живо откликнулся и, чистосердечно глядя ему в глаза, тут же начал сознаваться:

— Да боже мой, конечно же, глупо! Нет, нет, отрицать я ничего не намерен. Все признаю, и свою вину полностью признаю. Что делать, прошляпили, и лично я проморгдал, можно сказать, под самым носом...

Николаев насупился.

— Ах вот как вы хотите,— криво усмехнулся он.— Подчиненные подвели своего директора, а сам он — и знать ничего не знал.

— Именно так бы я и выразился, если бы вы не поторопились,— в тон ему откликнулся Рубцов, и злой огонек промелькнул в его глазах.— Или не устраивает?

— Нет, не устраивает,— мрачно сказал Николаев.

— А что же делать? — сочувственно огорчился Рубцов.— Другого я ничего не знаю... и, быть может, и не было... и не будет...

— Вы так думаете? — пристально щурится на него Николаев.

— Да не думаю — вижу... — восклицает Рубцов, и на минуту нагло обнажая игру, говорит язвительно: — Вот ведь вы какие козыри выложили...— Он пальцами опытного картежника развернул веером фотографии, лежащие перед ним на столе: — Все-то вы раскопали, все до мелочей вам известно, больше, чем мне.

Слушая эту тираду, Николаев нажимает кнопку, потом приоткрывает ящик стола, отрывается там какой-то листок и начинает его заполнять. В это время в кабинет входит и останавливается у двери Андреев. Рубцов подозрительно покосился на него и, презрительно помрачнев, развалился в креслах, наблюдает за пишущим Николаевым.

— Ну что ж,— протягивает ему бумажку Николаев, подымаясь,— можете идти.

— А-а, пропуск?!.. Ну да, конечно же...— засмеялся Рубцов с облегчением. Солидно подымается и, возвращаясь к тону крупного дея-

теля произносит: — И знаете, товарищ Николаев, я все понимаю и не обижаюсь. Такая у вас обязанность — подвергать сомнению все и вся, невзирая на лица.

Забирает портфель, шляпу.

— Будьте здоровы! — делает движение протянуть руку...

Но Николаев стоит руки по швам.

— До скорого свидания.

Рубцов обнажил зубы в усмешке...

— Ну да, рукопожатия отменяются... И правильно — негигиенично,— насмешливо приподымает шляпу.— Прощайте.

Николаев провожает его взглядом и, когда Рубцов закрывает дверь, произносит сердито:

— Наглец... А ведь прав — никак его не ухватишь.

Андреев подходит в это время к столу и, протягивая какую-то бумагу, говорит многозначительно:

— Николай Иванович, посмотрите-ка вот этот протокол допроса... вот тут...

Николаев все еще сердито берет и пробегает глазами бумагу, потом брови его поднимаются все выше и выше...

— Что, что?! — он еще ниже склонился, словно не веря, потом вскинул на Андреева глаза.— Да не может быть...— проговорил он тихо, с выражением крайнего изумления и какой-то брезгливости...

Поезд замедляет ход... Приближаясь, движется на нас вокзал, крупные буквы: «РИГА». Серый прибалтийский денек, сырья платформа, встречающие. Поезд остановился — из

вагонов хлынули пассажиры. И среди них шагает по платформе благополучно вернувшийся домой Рубцов. Шагает неторопливо, независимо, с большим портфелем, сразу видно — крупный хозяйственник, и вдруг словно бы споткнулся...

В нескольких шагах впереди приостановился вполоборота и закуривает — такой независимый в штатском костюме — Николаев. И при этом подымает глаза и из-под бровей смотрит на него...

Рубцов делает движение в сторону, но встречается с ним глазами и тотчас, распльяясь в улыбке, идет на Николаева с возглашением:

— А, вы уже здесь?! Какими судьбами?

Николаев будто бы даже с некоторым неудовольствием увидел его, откликнулся невозмутимо:

— С этим же поездом.— И они пошли рядом. Рубцов покосился и спросил насмешливо:

— Приехали искать улики?

— Не скрою — угадали.

— Не завидую вам, — щурится Рубцов. Прибавил бравируя: — Звоните, буду рад помочь, если что.

— Не премину воспользоваться.

С толпой пассажиров входят в вокзал...

На площади перед вокзалом, у такси, дожидается Алешин.

— Николай Иванович! — окликает он.

Подходят Николаев и Рубцов.

— Желаю успеха! — приподымает шляпу Рубцов.

— А то садитесь, подвезем, — неожиданно приглашает Николаев.

— Нет, нет, спасибо, я на такси.

— А что вам томиться ожиданием, — настаивает Николаев и берет его под руку.— Садитесь, садитесь.

И Рубцов не посмел отказаться — какая-то вялость его охватила, — влез в услужливо распахнутую дверцу. За ним Николаев, Алешин уселся рядом с шофером, и машина тронулась.

Как неприятно, просто угнетающе — сидеть рядом и молчать. Но вот Рубцов встрепенулся и воскликнул:

— Позвольте... Мне сейчас направо.

Ни шофер, ни Алешин не пошевелились в ответ, и машина не изменила курса. Рубцов растерянно обернулся к Николаеву.

— Заедем сперва в одно место, тут недалеко, а потом и вас отвезем куда надо, — спокойно сказал Николаев, но лицо у него при этом было такое каменное, что Рубцов смолчал и тревожно откинулся на спинку дивана.

И вдруг машина въехала в ворота кладбища. С обеих сторон машины медленно проплывают кресты, оградки, мраморные памятники, плиты...

— Что это за странные шутки... — бормочет Рубцов, и набрякшее лицо его на наших глазах превращается в грязный кисель страха и страдания. Машина медленно продвигается по аллее в глубину этого печального города смерти. Начал накрапывать дождик. Машина останавливается. Из нее первым выскакивает Алешин, потом Николаев и, наконец, головой

вперед появляется Рубцов. Он задел за дверь шляпой, и она свалилась с головы. Он тяжело наклонился, поднял ее с земли, но, несмотря на дождь, не надел, а так, с шляпой в руке, сделал несколько шагов вслед за Николаевым и огляделся.

— Провокация? — произнес он хрипло с кривой усмешкой.

Перед ними была свежая могила. Впрочем, на ней уже стоял мраморный крест, но венки и увядшие цветы говорили о недавних похоронах. В сторонке от могилы молча дожидалась группа людей. Среди них — несколько с лопатами и трое — в форме милиции. В мраморный крест вделана позолоченная овальная рамка с портретом умершей, и все вновь подошедшие невольно остановились взглядами на портрете. Это та самая фотография Юлии, которую мы уже видели при разговоре Лебедянского и Алешина. Но сейчас, как всегда, смерть делает это молодое лицо особенно многозначительным и печальным.

— Я протестую! — прервал эту паузу выкрик Рубцова. У него почти безумное лицо. Настоящие слезы или капли дождя сползают по дряблым щекам, и в первый раз, кажется, искренним горем и страданием звучит этот крик:

— Я не позволю играть на чувствах отца! Я не позволю вам... — он вдруг оборвал и смолк...

Пророкотал мотор подъезжающего автофургона милиции, и из-за кустов показалась и медленно приближалась к могиле в сопровождении Шондыша, Андреева и милиционе-

ра грузная и мрачная фигура Сабодажа. Люди уже окружили могилу со всех сторон в ожидании. Николаев оглядел их.

— Все готово? Понятые здесь? — спросил он.

— Так точно, — ответил офицер милиции.
— Начинайте.

Быстро убирают в сторону венки. Лопаты вгрызаются в могильный холмик, летит земля...

Медленный наплыв... И вот уже оттащили в сторонку покосившийся мраморный крест с портретом. Могила вскрыта. Кучи свежей, сырой земли по сторонам. Гроб установили на переброшенных через могилу досках. Все происходит в глубоком молчании. Растет напряжение окружающих. С крышкой гроба долго возятся, пауза становится нестерпимой. Но вот она сдвинулась, пошла... и вдруг общий вздох... Крышку подняли, и все увидели, что гроб пуст...

В гробу лежит черный футляр от скрипки.

Даже Николаев, который был подготовлен к этому, заговорил не сразу:

— Андреев, займитесь футляром.

Андреев размотал проволоку, которой, видимо, в спешке был завязан футляр, и распахнул крышку. Футляр тесно набит пачками валюты, бумажными свертками и ювелирными коробочками с драгоценностями, среди которых тускло поблескивает золото часов и других предметов, сунутых сюда второпях...

Рубцов наверху, у края могилы, в немом отчаянии впился взглядом в этот гроб, в это

потерянное свое богатство. Потом спохватился — в помутившееся сознание его, видимо, постепенно проникает весь ужас и стыд разоблачения: его глазки забегали по лицам окружающих, виноватая, блудливая улыбка поползла по толстым губам, и он вдруг тонко, гаденько, в совершенном беспамятстве произнес:

— Ее-то было... все равно не воскресить.

Все молча смотрели на него. Николаев резко сказал Сабодажу, который хмуро стоит влево от него.

— Сабодаж, повторите ваши показания. Коротко.

Сабодаж пожевал губами, потом, лениво щурясь, начал:

— Рубцов вызвал меня вечером к себе, чего никогда не бывало. Показал закрытый гроб дочки, плакал при этом... — добавил с усмешкой Сабодаж и помедлил. — Ну, приказал, в общем, достать точно такой же гробик. Накануне похорон, ночью, я привез... А настоящий мы с ним втихую вывезли и зарыли...

Несколько в стороне среди других стоит Алешин. Его взгляд остановился на портрете, вделанном в мраморный крест памятника. Портрет, приближаясь, увеличивается, заполняет весь экран. На нас по-прежнему пристально и печально смотрят глаза задумчивой девушки...

Серое осеннее небо. Голые стволы деревьев. Район новостроек. Большие дома современной архитектуры, широкий проспект,

Спешат люди. Часы пик.

У витрины универмага «Детский мир» останавливается скромно одетая девушка. Она любуется пупсами в распашонках. Это Инка-эстонка.

Автобусная остановка. Толпа молодежи с шутками и прибаутками «штурмует» остановившийся автобус. В окне автобуса Алешин. Он увидел Инку. К Инке подходит высокий парень, берет у нее авоську с продуктами. Вместе они подходят к автобусной остановке, встают в очередь...

Алешин старается привлечь внимание Инки. Стучит по стеклу. Инка замечает Алешина. Смотрит неприветливо и тревожно.

Алешин улыбается, знаками показывая на ее спутника, спрашивает одними губами...

Инка недоумевает, но смотрит доброжелательнее. Вот она поняла вопрос и вместо ответа прижимается к спине мужа. Радостно улыбается.

Алешин энергично жестикулирует: он доволен ее выбором, он в восторге...

Инка хочет что-то сказать, но неожиданно оборачивается муж. Инка начинает кокетливо тараторить, стараясь отвлечь внимание мужа от окна автобуса.

Алешин хохочет, посыпает ей прощальный привет. По широкому проспекту удаляется автобус. Люди спешат...

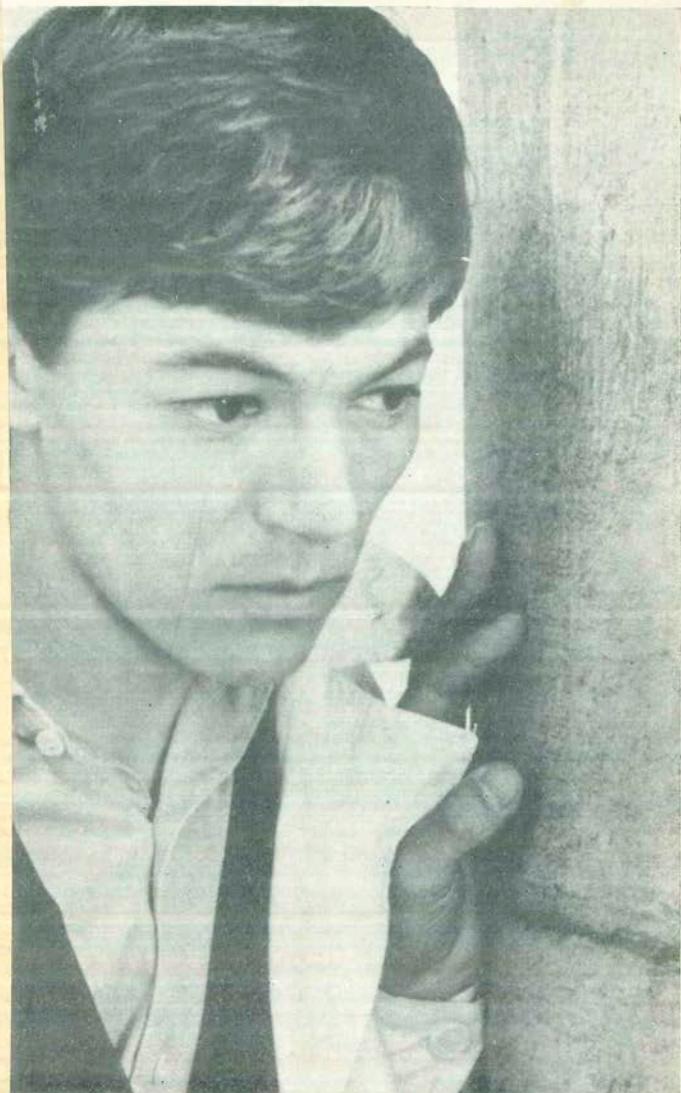
ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм поставлен на киностудии «Ленфильм» в 1966 году

Авторы сценария: Б. Чирков
Е. Худик
Режиссер Г. Раппапорт
Оператор Д. Месхиев
Художник А. Блэк
Композитор А. Мнацаканян
Звукооператор Б. Хуторянский
Монтажер Е. Садовская
Консультант — комиссар
милиции III ранга А. Соколов.
Директор картины И. Провоторов

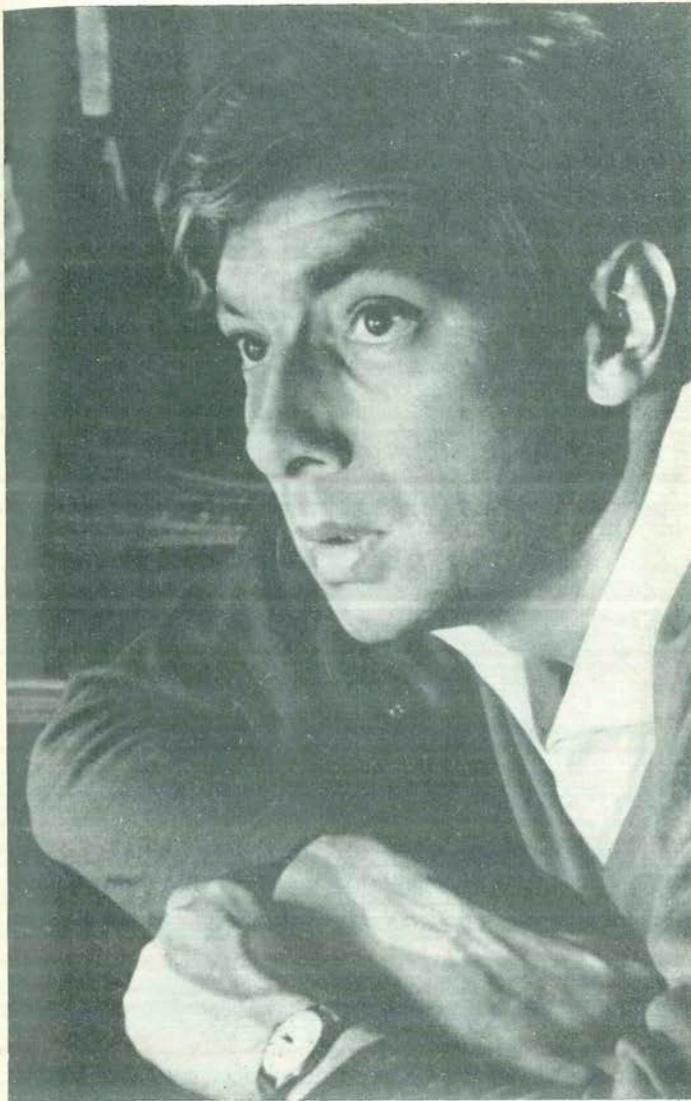
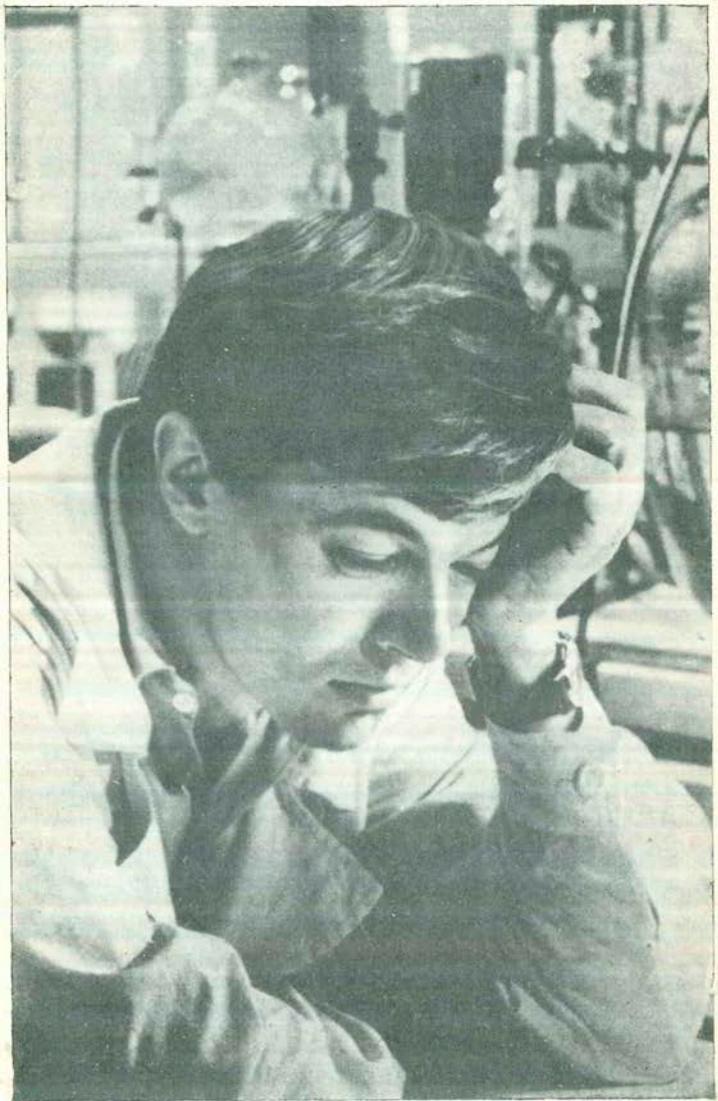
В ролях:

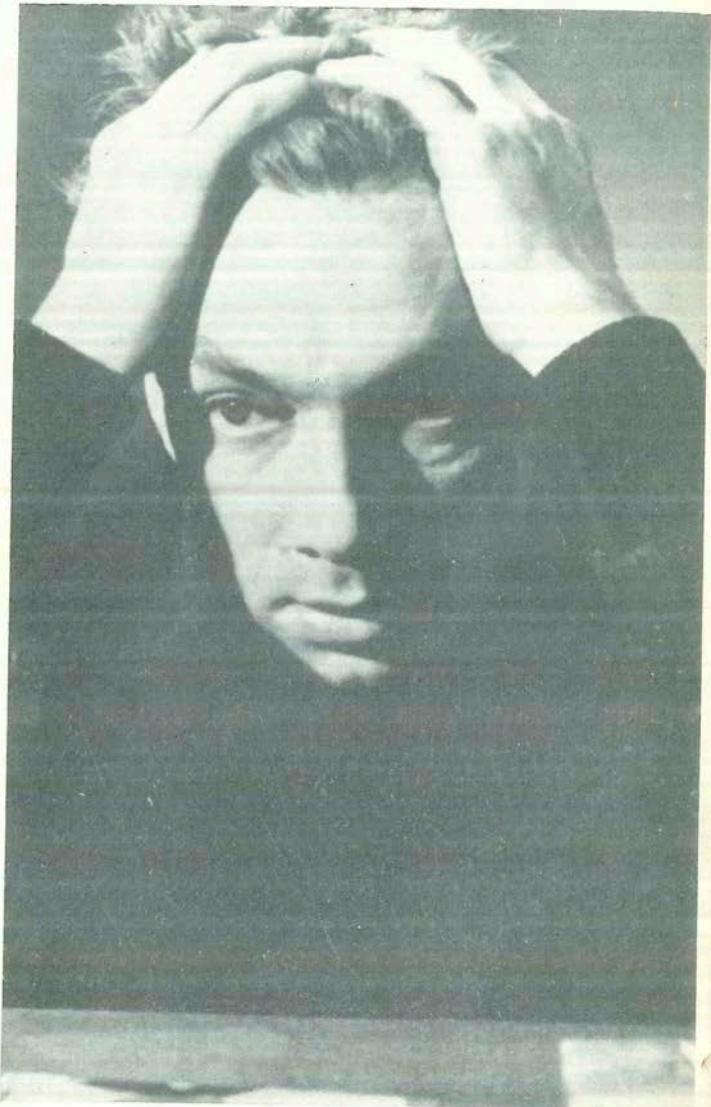
Николаев	И. Горбачев
Шондыш	П. Горин
Алешин	А. Эбруев
Андреев	А. Кожевников
Лебедянский	Н. Подгорный
Блинов	Б. Фрейндлих
Рубцов	В. Кенигсон
Сабодаж	С. Чекан
Сиротин	А. Январев
Тоня	З. Цахилова
Кнопка	Л. Барабанова
Инка-эстонка	Л. Чурсина
Евдокия Федоровна	В. Сперантова
Юлия	Г. Никулина

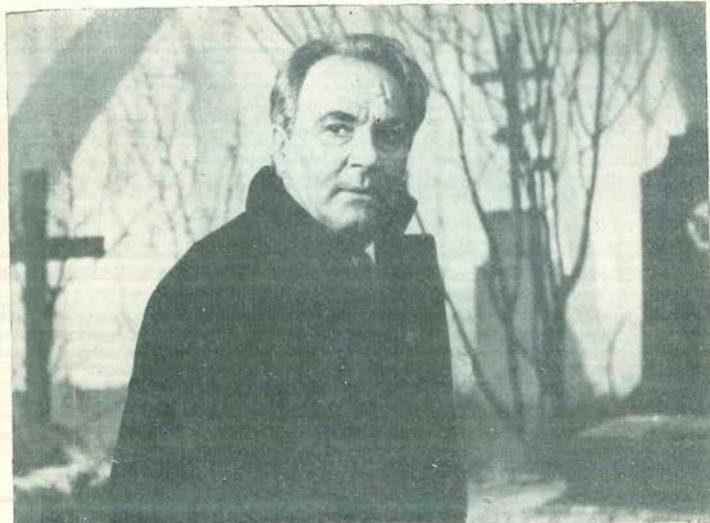

Чирков Борис Федорович,
Худик Евгений Иванович

ДВА БИЛЕТА НА ДНЕВНОЙ СЕАНС
Киносценарий

Редактор Л. А. Ильина, художественный редактор Г. А. Александров. Художник Е. И. Агроскин. Технический редактор М. П. Ушкова. Корректоры В. П. Акулинина и А. И. Басов. А—06468. Сдано в набор 5/IX-67 г. Подписано в печать 27/XII-67 г. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 2 и мелованная. Усл. п. л. 4,54. Уч.-изд. л. 4,537. Тираж 30 000. Изд. № 15785. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ 318. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109. Цена 28 коп.

Худик Евгений Иванович родился в 1936 году в городе Артеме, Приморского края.

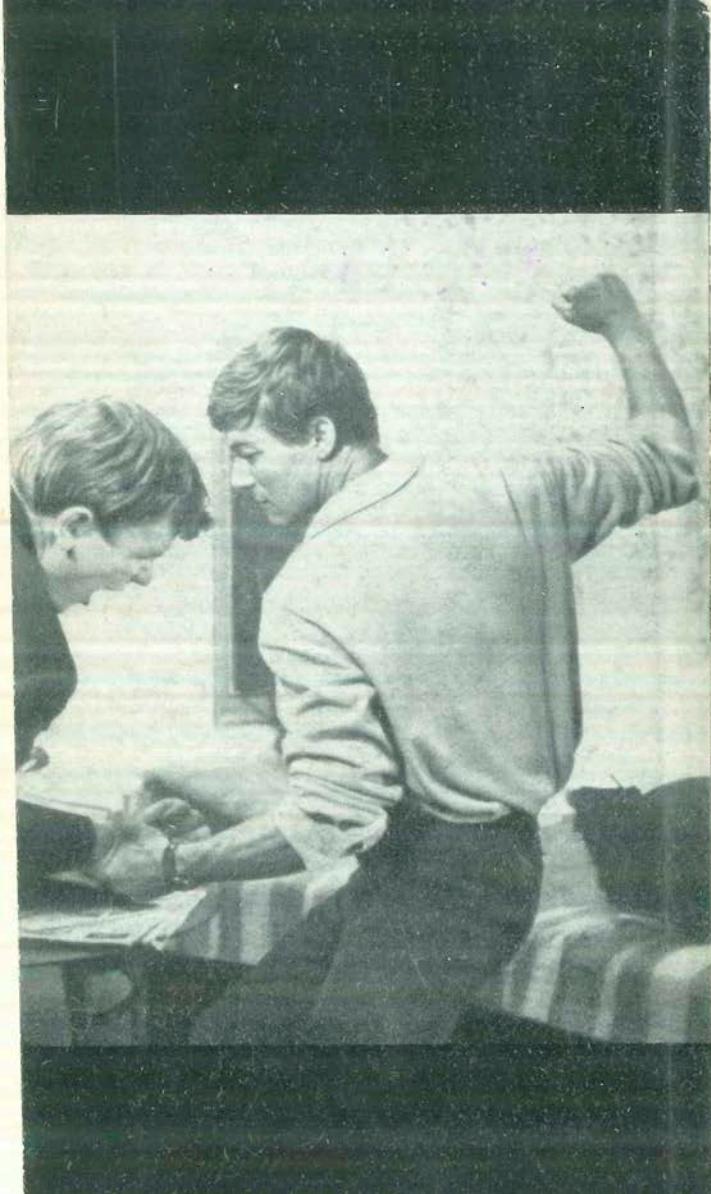
Изучал восточные языки, международное право. Окончил аспирантуру юридического факультета Ленинградского университета.

Печататься начал с 1957 года. Рассказы, очерки, статьи систематически публикуются в журналах и газетах.

В 1963 году для Ленинградской студии телевидения написаны два короткометражных сценария: «Покушение», «Золотая дырка». В этом же году для студии научно-популярных фильмов в соавторстве с режиссером М. Шамкович создан сценарий «Часовые совести».

«Человек, который решает» — так называется повесть Е. Худика, написанная в 1964 году. Эта документальная повесть, отмеченная премией на конкурсе произведений литературы, посвященных труду работников советской милиции, и рассказывающая о судьбе талантливого химика Лебедянского, и легла в основу сценария «Два билета на дневной сеанс».

Цена 28 коп.

Б. ЧИРСКОВ, Е. ХУД

ДВА БИЛЕТА НА ДНЕВНОЙ СЕ

Борис Федорович Чирков родился в 1904 году в станице Сандата, Ставропольского края.

В 1925 году Чирков окончил отделение языка и литературы факультета обществоведения Ленинградского университета.

С 1931 года работает на киностудии «Ленфильм». Первые фильмы, поставленные по сценариям Б. Чиркова: «Ошибка героя» (1933), «Наследный принц республики» (1934).

С именем известного советского кинодраматурга Бориса Федоровича Чиркова связаны замечательные произведения советского кино: «Возвращение» (1940), «Валерий Чкалов» (1941), «Зоя» (1944), «Великий перелом» (1945), «Хождение по мукам» и др.

В 1946 году на кинофестивале в Канне фильмам «Зоя» и «Великий перелом» присуждена премия за лучший сценарий.

Жизнь Бориса Федоровича Чиркова, безраздельно отданная советскому киноискусству, оборвалась в разгар работы над фильмом «Два билета на дневной сеанс».